

Обзор практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека

№ 5 (2020)

Оглавление

В сфере административно-правовых отношений.....	3
запрет пыток, иного недопустимого обращения.....	3
практика Комитета ООН против пыток.....	3
вопросы содержания лиц в одиночной камере.....	7
практика Комитета ООН против пыток.....	7
вопросы неисполнения (несвоевременного исполнения) судебных актов (несоблюдение установленного судом порядка общения родителей с ребенком).....	9
практика Комитета ООН по правам ребенка.....	9
В сфере жилищных правоотношений.....	11
вопросы выселения.....	11
практика Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам.....	11
В сфере семейных правоотношений.....	22
право на уважение личной и семейной жизни.....	22
практика Комитета ООН по правам человека.....	22
практика Комитета ООН по правам ребенка.....	25
В сфере социально-трудовых правоотношений.....	25
защита прав несовершеннолетних (предоставление социального пособия беженцам).....	25
практика Комитета ООН по правам человека.....	25
право лица принимать участие в ведении государственных дел как непосредственно, так и через посредство свободно выбранных представителей (вопросы увольнения с государственной службы).....	27
практика Комитета ООН по правам человека.....	27
В сфере уголовных и уголовно-процессуальных отношений.....	30
запрет пыток, иного недопустимого обращения.....	30
практика Комитета ООН против пыток.....	30
вопросы выдачи.....	30
практика Комитета ООН против пыток.....	30
право на справедливое судебное разбирательство (право на пересмотр приговора вышестоящей судебной инстанцией).....	39
практика Комитета ООН по правам человека.....	39
право на свободное выражение своего мнения.....	40
практика Комитета ООН по правам человека.....	40

В силу пункта 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» «толкование международного договора должно осуществляться в соответствии с Венской конвенцией о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. (раздел 3; статьи 3 – 33). Согласно пункту «b» части 3 статьи 31 Венской конвенции при толковании международного договора наряду с его контекстом должна учитываться последующая практика применения договора, которая устанавливает соглашение участников относительно его толкования».

В целях эффективной защиты прав и свобод человека судам необходимо при рассмотрении административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, уголовных и иных дел учитывать правовые позиции, сформулированные межгосударственными органами по защите прав и свобод человека¹.

¹ В рамках настоящего обзора понятие «*межгосударственные органы по защите прав и основных свобод человека*» охватывает международные договорные органы ООН, действующие в сфере защиты прав и свобод человека, а также Европейский Суд по правам человека.

В сфере административно-правовых отношений

запрет пыток, иного недопустимого обращения

практика Комитета ООН против пыток²

Пол Зентвельд против Новой Зеландии. Решение Комитета против пыток от 4 декабря 2019 г. Сообщение № 852/2017³.

Правовые позиции Комитета: уголовное расследование [по факту жестокого обращения] должно иметь целью как определение характера и обстоятельств заявленных деяний, так и установление личности лица или лиц, которые могли быть к ним причастны⁴. Подобная практика не является гарантией результата, однако представляет собой одно из средств к его достижению⁵ (пункт 9.2 Решения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: основной вопрос заключался в том, была ли жалоба автора о жестоком обращении с ним со стороны сотрудников отделения для детей и подростков психиатрической больницы Лейк-Элис в период 1974–1977 гг. оперативно и беспристрастно рассмотрена компетентными властями в соответствии со статьями 12 и 13 Конвенции [против пыток]... Комитет должен был проанализировать деятельность властей государства-участника и установить, были ли ими приняты все объективно доступные меры для проведения расследования, в ходе которого было бы возможно не только установление фактов, но также определение и наказание виновных (пункт 9.2 Решения).

Комитет отметил, что государство-участник не оспаривало события, имевшие место в 1970-х гг. в детско-подростковом отделении больницы Лейк-Элис. Заявления об этих событиях были впервые поданы в 1976 г., при этом автор участвовал в работе Комиссии по расследованию 1977 г. Согласно отчету полиции от 22 марта 2010 г., в 1979 г. отделение было закрыто «в связи с опасениями по поводу отсутствия надлежащего контроля и нареканиями, высказанными по итогам ряда проверок».... В письме с

² Комитет ООН против пыток действует на основании Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10 декабря 1984 г. (далее – Конвенция, Конвенция против пыток). Российская Федерация является участником указанного международного договора и в качестве государства-продолжателя Союза ССР признает компетенцию Комитета получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под его юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения государством-участником положений Конвенции.

³ Автор утверждал, что стал жертвой жестокого обращения и пыток в детско-подростковом отделении больницы Лейк-Элис. Он жаловался на то, что государство-участник не обеспечило привлечение к ответственности сотрудников больницы, которые жестоко обращались с детьми, находившимися на их попечении.

⁴ См.: *Кирсанов против Российской Федерации*, пункт 11.3.

⁵ См., например: Европейский Суд по правам человека, *C.A.S. and C.S. v. Romania*, application No. 26692/05, 20 March 2012, para. 70.

извинениями, полученное автором приблизительно 23 декабря 2002 г. или около того, упоминалось, что правительство извинилось за «обращение», которому автор «подвергся и которое мог наблюдать» в больнице Лейк-Элис. Комитет указал, что государство-участник не оспаривало заявления о том, что обращение, описанное автором, соответствовало определению пытки, содержащемуся в статье 1 Конвенции, или, по крайней мере, жестокого обращения, как оно определено в статье 16 Конвенции (пункт 9.3 Решения).

Комитет отметил далее, что в своем заявлении в полицию 2006 г. автор сослался на применение электрошока и лекарственных препаратов в качестве наказания, а также на случаи посягательств сексуального характера в то время, когда он еще был ребенком и находился на попечении государства. Вместе с тем несмотря на серьезность этих заявлений и особую уязвимость автора, который был ребенком [на момент] этих событий, а также несмотря на выводы бывшего судьи Высокого суда о том, что в качестве наказания к детям обычно применялась электрошоковая терапия, Комитет отметил следующее – в итоговом отчете от 22 марта 2010 г., подготовленном по результатам полицейского расследования, которое продолжалось более трех с половиной лет, не было разъяснено, действительно ли предполагаемое обращение применялось в качестве наказания. В отчете отмечалось, что «имеются свидетельства применения ЭСТ⁶ в обоих режимах лечения». Представлены также свидетельства применения электрошока в обстоятельствах, которые позволяют предположить его использование в качестве одной из форм аверсивной терапии или наказания. В отчете также упоминалось: «это уже седьмое рассмотрение этих или связанных с ними фактов». В данном контексте Комитет напомнил о своей рекомендации государству-участнику безотлагательно и беспристрастно расследовать заявления о жестоком обращении в «исторических случаях» и привлечь виновных к ответственности... Комитет сослался далее на свой вывод, сделанный в 2015 г. в заключительных замечаниях к шестому периодическому докладу государства-участника, относительно того, что «государство-участник не расследовало порядка 200 заявлений о пытках несовершеннолетних и жестоком обращении с ними в больнице в Лейк-Элис и никого не привлекло к ответственности», а также на свою рекомендацию проводить оперативные, беспристрастные и тщательные расследования всех утверждений о жестоком обращении в медицинских учреждениях и привлекать к ответственности лиц, подозреваемых в жестоком обращении (CAT/C/NZL/CO/6, пункт 15). В отчете полиции 2010 года также отмечалось «пристальное и постоянное внимание средств массовой информации к этому делу». Потому Комитет выразил обеспокоенность в связи с тем, что несмотря на неоднократные расследования по одному и тому же вопросу, признание полицией «обоснованности заявления» и признание государством-участником в Комитете серьезности утверждений о применении пыток,

⁶ Электросудорожная терапия.

имевших место в прошлом, наряду с подтверждением сохраняющегося общественного внимания к этому вопросу, власти государства-участника не провели последовательной работы для установления фактов по столь значимому вопросу, связанному с ранее имевшим место жестоким обращением с детьми, находящимися на попечении государства. Они также в явной форме не подтвердили и никак не охарактеризовали обращение, которому, согласно автору, он подвергался (пункт 9.4 Решения).

В своих замечаниях государство-участник утверждало – решение не возбуждать судебное преследование в отношении доктора Ликса было основано на недостаточности доказательств и на определении того, что инициирование уголовного преследования не будет способствовать защите общественных интересов. Однако государство-участник не продемонстрировало – оно приложило достаточные усилия для прояснения фактов. Государство-участник признало не только то, что жалобы, связанные с лечением в больнице Лейк-Элис в 1970-х гг., начали поступать с 1976 г., но и то, что не далее как в 2018 г. была создана Королевская комиссия по расследованию исторических случаев жестокого обращения в государственной системе опеки, в том числе в Лейк-Элис, и новые связанные с этим жалобы, поданные в 2019 г., расследуются полицией. В связи с отсутствием убедительных разъяснений со стороны государства-участника Комитет не увидел оснований для утверждения о том, что уголовное преследование не будет отвечать общественным интересам. Дело касается насилия в системе государственного попечения, которому подверглась уязвимая группа населения, и независимым органам не может быть делегировано право принимать решения по вопросам, предусматривающим уголовную ответственность. В этой связи Комитет отметил следующее – Медицинский совет также не предпринял никаких мер, приняв просьбу доктора Ликса об отмене его регистрации в качестве практикующего врача. Государство-участник согласилось с этими действиями, что привело к безнаказанности доктора Ликса, несмотря на обязательство государства защищать от злоупотреблений тех, кто находится в уязвимом положении и не имеет никакой другой законной возможности обратиться с дальнейшими заявлениями к компетентным органам (пункт 9.5 Решения)⁷.

Комитет подчеркнул – для полицейского расследования весомым аргументом стал тот факт, что срок предъявления соответствующего обвинения полицией был ограничен шестью месяцами. Однако ни в замечаниях государства-участника, ни в результатах полицейского

⁷ «В докладе полиции 2010 г. далее упоминается, что «обвинения были рассмотрены только в части вины главного подозреваемого, доктора Ликса», и делается вывод о том, что «вряд ли имеется достаточно доказательств для успешного предъявления обвинения в преднамеренной жестокости по отношению к ребенку». Комитет выражает обеспокоенность в связи с тем, что власти не пытались выяснить, мог ли кто-либо еще быть привлечен к ответственности за предполагаемые нарушения, что вызывает сомнения в эффективности полицейского расследования, которое должно обеспечивать выявление виновных в этих нарушениях» (пункт 9.6 Решения).

расследования не было установлено, мог ли автор, который стал жертвой жестокого обращения будучи ребенком, успешно подать жалобу в течение шести месяцев с момента прекращения нахождения в больнице Лейк-Элис, в которую он был помещен с согласия своей собственной матери. Комитет отметил следующее – автор оставался в больнице вплоть до 1975 г., а затем предоставил информацию Комиссии по расследованию в 1977 г. В этой связи Комитет обратил внимание государства-участника на его обязательство в соответствии со статьей 12 Конвенции обеспечить, чтобы компетентные органы в силу возложенных на них обязанностей провели быстрое и беспристрастное расследование, в случае, если имеются разумные основания полагать, что имел место факт применения пытки⁸. Комитет отметил, что только в 2003 г. правительство предложило бывшим пациентам больницы Лейк-Элис, ставшим жертвами жесткого обращения, подать заявления в полицию о возбуждении уголовного дела. Однако несмотря на это прямое предложение правительства, полиция до сих пор не установила факты, имевшие отношение к рассматриваемым событиям (пункт 9.7 Решения).

Комитет подчеркнул – следственные органы государства-участника, получив ряд жалоб, касающихся событий, произошедших в больнице Лейк-Элис, выбрали только одну «репрезентативную жалобу для подробного рассмотрения». Комитет посчитал, что решение о тщательном рассмотрении только одной жалобы с учетом наличия неоспоримых заявлений о ранее совершенных правонарушениях повлекло за собой риск игнорирования системного характера рассматриваемого дела и всех сопутствующих ему обстоятельств (пункт 9.8 Решения).

Выводы Комитета: ненадлежащее проведение государством-участником эффективного расследования обстоятельств, при которых автор, находившийся в отделении для детей и подростков больницы Лейк-Элис, подвергался пыткам и иным актам жестокого обращения, противоречит статьям 12, 13 и 14 Конвенции, согласно которым на государство-участник возложено обязательство обеспечить проведение быстрого и беспристрастного расследования компетентными органами, если имеются разумные основания полагать, что имел место факт применения пыток и/или иного жестокого обращения⁹ (пункт 9.9 Решения).

⁸ См., например, *Кабура против Бурунди* (САТ/С/59/Д/549/2013), пункт 7.4.

⁹ См.: Комитет против пыток, Замечание общего порядка № 3, пункт 40.

*вопросы содержания лиц в одиночной камере***практика Комитета ООН против пыток**

Али Аррас против Марокко. Решение Комитета против пыток от 25 ноября 2019 г. Сообщение № 817/2017.¹⁰

Правовые позиции Комитета: одиночное заключение может представлять собой нарушение статьи 16 Конвенции [против пыток] в зависимости от обстоятельств дела и с учетом особых условий одиночного заключения, строгости применения этой меры, продолжительности такого заключения, преследуемой цели и последствий для соответствующего лица¹¹. Комитет вновь повторяет свою рекомендацию о том, что одиночное заключение и изоляцию следует использовать в качестве крайней меры на как можно более короткий срок под строгим контролем и с возможностью судебного пересмотра¹². Комитет ссылается также на Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы), правило 44 которых гласит – одиночное заключение означает ограничение свободы заключенных в течение 22 часов или более в день без содержательных контактов с людьми и что длительное одиночное заключение означает одиночное заключение в течение срока, превышающего 15 дней подряд¹³... Комитет отмечает на свою предыдущую практику в отношении некоторых основополагающих гарантий, которые должны применяться ко всем лицам, лишенным свободы, в целях предупреждения пыток и неправомерного обращения. К этим гарантиям относится в том числе – право заключенных оперативно получать независимую юридическую помощь, независимую медицинскую помощь и вступать в контакт с семьей (пункт 8.5 Решения).

Комитет ссылается на свое [З]амечание общего порядка № 3 (2012) об осуществлении статьи 14 и отмечает, что статья 14 применима ко всем жертвам пыток и неправомерного обращения. Комитет напоминает также, что статья 14 не только признает право на справедливую и адекватную компенсацию, но и требует от государств-участников обеспечивать получение возмещения жертвами пыток или неправомерного обращения. Комитет считает, что возмещение должно охватывать всю совокупность причиненного жертве ущерба и включать, среди прочих мер, реституцию,

¹⁰ В течение длительного периода содержания под стражей в Марокко заявитель, по его мнению, подвергался жестоким пыткам: инъекциям каких-то веществ, изнасилованиям, избиениям, унижениям, угрозам и т.д. Под воздействием этих пыток он подписал чистосердечное признание, составленное заранее, причем на арабском языке, которым он не владеет. Заявитель утверждал, что государство-участник нарушило статьи 1, 2, 11, 12, 13, 14 и 16 Конвенции.

¹¹ См.: *А.А. против Дании* (CAT/C/49/D/412/2010), пункт 7.4.

¹² См.: *Фогель против Новой Зеландии* (CAT/C/62/D/672/2015), пункт 7.2.

¹³ См.: также A/66/268, пункт 26.

компенсацию и реабилитацию жертвы, а также меры, способные гарантировать невозможность повторения нарушений, – с обязательным учетом обстоятельств каждого дела¹⁴ (пункт 8.6 Решения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: заявитель был помещен в одиночную камеру на длительный период времени. Комитет также принял к сведению утверждение заявителя о том, что в течение периода своего одиночного заключения он вынужден был находиться в своей камере 23 часа в сутки, в течение одного часа в день он мог заниматься гимнастикой и один раз в неделю мог принять душ. Кроме того, Комитет учел утверждение заявителя о том, что в то время, о котором идет речь, он был особенно уязвим, поскольку спал на полу без матраса, испытывал проблемы со здоровьем и страдал от недоедания. Комитет принял к сведению утверждения государства-участника о том, что заявитель был помещен в одиночную камеру в связи с мерами дисциплинарного наказания, условия его тюремного заключения являлись стандартными и гуманными и он имел право на регулярные контакты со своей семьей... Комитет учел утверждение заявителя о том, что одиночное заключение, а также отсутствие разъяснений со стороны государства-участника в этой связи причинили ему страдания и сказались на его состоянии здоровья. Комитет отметил, что режим содержания заявителя был равносителен одиночному заключению, даже если по марокканскому законодательству он не был квалифицирован в качестве такового. Комитет посчитал – одиночное заключение заявителя и его продолжительность, усугубленные отсутствием регулярных проверок этого режима, ограничениями на общение с семьей и непредставлением регулярного доступа к медицинской помощи не являлись соразмерными заявленной цели обеспечения соблюдения дисциплины (пункт 8.5 Решения).

Комитет подчеркнул, что в данном случае заявитель в течение длительного периода времени находился в одиночной камере, причем в отношении обстоятельств его изоляции не было проведено объективного расследования и режим его содержания под стражей не был смягчен, что причинило ему ненужные страдания (пункт 8.6 Решения).

Выводы Комитета: представленные факты свидетельствуют о нарушении статьи 16 и пункта 1 статьи 2, рассматриваемых в совокупности со статьями 1 и 11, а также статьей 14 Конвенции (пункт 9 Решения).

См. также нижеприведенное Решение Комитета против пыток от 22 ноября 2019 г. по делу *Хани Хатер против Марокко*. Сообщения № 782/2016¹⁵. Комитет посчитал, что помещение заявителя в одиночную камеру, ограничение его контактов с семьей и адвокатом и лишение его регулярного доступа к медицинской помощи представляли собой нарушение статьи 16 Конвенции против пыток.

¹⁴ См.: *Али против Туниса* (CAT/C/41/D/291/2006), пункт 15.8.

¹⁵ См.: подраздел «Вопросы выдачи» раздела «В сфере уголовных и уголовно-процессуальных отношений».

*вопросы неисполнения (несвоевременного исполнения) судебных актов
(несоблюдение установленного судом порядка общения родителей с
ребенком)*

практика Комитета ООН по правам ребенка¹⁶

Н. Р. против Парагвая. Соображения Комитета по правам ребенка от 3 февраля 2020 г. Сообщение № 30/2017.¹⁷

Правовые позиции Комитета: в соответствии с пунктом 3 статьи 9 Конвенции [о правах ребенка] государства-участники обязаны уважать право ребенка, который разлучается с одним или обоими родителями, поддерживать на регулярной основе личные отношения и прямые контакты с обоими родителями, за исключением случая, когда это противоречит принципу наилучшего обеспечения интересов ребенка: задача сохранения семейного окружения предусматривает также и сохранение связей ребенка в более широком смысле. Такие связи [...] особенно важны в тех случаях, когда родители прекратили совместное проживание или живут в разных странах¹⁸ (пункт 8.4 Соображений).

Комитет считает, что судебные разбирательства на предмет установления прав ребенка на общение с родителем, с которым он разлучен, должны проводиться оперативно, поскольку утраченное время может иметь непоправимые последствия для их отношений. Это подразумевает оперативное исполнение решений, принятых в результате таких разбирательств (пункт 8.7 Соображений).

¹⁶ Комитет ООН по правам ребенка действует на основании Конвенции о правах ребенка от 20 ноября 1989 г. (далее – Конвенция. Конвенция о правах ребенка). Российская Федерация является государством-участником указанной Конвенции в качестве государства-продолжателя Союза ССР.

Согласно Факультативному протоколу к Конвенции о правах ребенка, касающемуся процедуры сообщений, принятому Генеральной Ассамблеей ООН 19 декабря 2011 г., Комитет наделен компетенцией получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под ее юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения положений Конвенции, Факультативного протокола к Конвенции о правах ребенка, касающегося участия детей в вооруженных конфликтах, а также Факультативного протокола к Конвенции о правах ребенка, касающегося торговли детьми, детской проституции и детской порнографии, принятые Резолюцией № 54/263 Генеральной Ассамблеи ООН.

По состоянию на 1 июля 2020 г. Российская Федерация не являлась участником Факультативного протокола к Конвенции о правах ребенка, касающегося процедуры подачи сообщений.

¹⁷ Автор утверждал, что власти государства-участника не учитывали принцип наилучшего обеспечения интересов ребенка, как этого требует статья 3 Конвенции, так как не приняли никаких мер для исполнения решения, устанавливающего режим общения автора со своей дочерью.

¹⁸ Замечание общего порядка № 14 (2013 г.) о праве ребенка на уделение первоочередного внимания наилучшему обеспечению его интересов, пункт 70.

Комитет напоминает, что, как правило, рассмотрение фактов и доказательств входит в компетенцию национальных органов власти за исключением случаев, когда подобное рассмотрение является очевидно произвольным или равнозначным отказу в правосудии¹⁹. Задача Комитета состоит в обеспечении того, чтобы их оценка не была произвольной или равнозначной отказу в правосудии и чтобы первоочередное внимание при этой оценке уделялось наилучшему обеспечению интересов ребенка (пункт 8.5 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: было установлено, что: а) государство-участник не приняло необходимых мер для обеспечения исполнения окончательного решения № 139 от 30 апреля 2015 г. о режиме посещения и других формах контактов и что последствия этого решения по-прежнему имеют место после 20 апреля 2017 г. – даты вступления в силу Факультативного протокола для государства-участника; б) автор был вынужден жаловаться на задержки в судебном разбирательстве; с) несмотря на доклад социального работника, власти государства-участника не приняли ни одной из предусмотренных в его законодательстве мер для обеспечения исполнения окончательного решения № 139 от 30 апреля 2015 г. (пункт 8.3 Соображений).

Комитет отметил, что решением № 139 от 30 апреля 2015 г. был установлен режим посещения для автора и его дочери. Однако несмотря на неоднократные просьбы автора на протяжении многих лет об исполнении этого решения и на решение суда от 25 апреля 2017 г., предписывающего матери содействовать общению автора с К.Р. через программу «Skype», это решение так и не было исполнено. Комитет учел довод автора, не опровергнутый государством-участником, о том, что, несмотря на решение о привлечении социального работника и решение о принятии временной меры в виде организации общения через школу Сан-Хосе, К.Р. не могла воспользоваться своим правом на поддержание прямых, личных и регулярных контактов со своим отцом на протяжении более чем четырех лет (пункт 8.6 Соображений).

Комитет принял к сведению не оспоренный государством-участником довод автора о том, что, несмотря на его многочисленные попытки обеспечить соблюдение режима посещения, установленного решением суда от 30 апреля 2015 г., это решение не было исполнено, и ему не удавалось поддерживать регулярное и полноценное общение со своей дочерью на протяжении многих лет. В этой связи Комитет учел полученную социальным работником от матери и включенную в промежуточное решение № 60 от 25 апреля 2017 г. информацию о том, что у нее не было финансовых средств для подключения к Интернету и что ее дочь сама не хотела приезжать к отцу на каникулах, поскольку не проводила с ним много времени. В момент вынесения своего решения суд посчитал, что общение девочки с отцом отвечало ее интересам. Если бы это судебное решение было

¹⁹ См.: *Л.Х.Л. и А.Х.Л. против Испании* (CRC/C/81/D/13/2017), пункт 9.5.

исполнено на практике, можно было бы избежать проблемы постепенного отдаления девочки от отца. В этой связи Комитет посчитал, что власти не приняли в надлежащее время достаточных мер для обеспечения исполнения вышеупомянутого решения матерью ребенка²⁰ (пункт 8.7 Соображений).

Выводы Комитета: непринятие государством-участником эффективных мер для соблюдения права дочери автора на поддержание личных отношений и прямых контактов со своим отцом на регулярной основе лишило ее возможности пользоваться своими правами, закрепленными в Конвенции. Учитывая конкретные обстоятельства данного дела, в частности длительный период времени, прошедший с момента принятия в 2015 г. решения суда, устанавливающего режим общения, и принимая во внимание юный возраст дочери автора на тот момент, Комитет резюмировал, что власти не обеспечили своевременное исполнение решения суда на практике и не приняли необходимых мер для того, чтобы гарантировать общение автора со своей дочерью. Комитет пришел к выводу – это равносильно нарушению статьи 3, пункта 3 статьи 9 и пункта 2 статьи 10 Конвенции (пункт 8.8 Соображений).

В сфере жилищных правоотношений

вопросы выселения

практика Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам²¹

Росарио Гомес-Лимон Пардо против Испании. Соображения Комитета по экономическим, социальным и культурным правам от 5 марта 2020 г. Сообщение № 52/2018²².

²⁰ См.: *Асенси Мартинес против Парагвая* (CCPR/C/95/D/1407/2005), пункт 7.4.

²¹ Комитет ООН по экономическим, социальным и культурным правам (далее – Комитет) действует с целью контроля за обеспечением выполнения государствами-участниками их обязательств по Международному пакту об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 г. (далее – Пакт, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах). Российская Федерация является участником указанного международного договора в качестве государства - продолжателя Союза ССР.

На основании Факультативного протокола к Пакту от 10 декабря 2008 г. Комитет вправе принимать индивидуальные сообщения лиц, находящихся под его юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения государством-участником положений Пакта. По состоянию на 1 июля 2020 г. Российская Федерация не являлась участником данного Протокола.

²² Автор утверждала, что ее выселение будет представлять собой нарушение статьи 11 Пакта, поскольку у нее не было другого подходящего жилища. Автор указала, что предложенные варианты жилья не подходили для нее: общежитие – поскольку в нем можно оставаться только ночью, а дом престарелых также не подходит, потому что в нем вход и выход прекращаются после 20.00. Автор также обратила внимание на то, что из-за ее возраста и состояния здоровья эти варианты подходят для нее еще меньше, поскольку

Правовые позиции Комитета: право человека на достаточное жилище является основным правом, которое служит основой осуществления всех экономических, социальных и культурных прав²³ и во всех своих аспектах связано с другими правами человека, в том числе с положениями Международного пакта о гражданских и политических правах²⁴. Право на жилище должно быть гарантировано всем независимо от дохода или доступа к экономическим ресурсам²⁵, и государства-участники должны принять все необходимые меры для достижения полной реализации этого права в пределах максимума имеющихся у них ресурсов²⁶ (пункт 8.1 Соображений).

Принудительное выселение *prima facie* несовместимо с [Международным пактом об экономических, социальных и культурных правах] и может быть оправдано только в самых исключительных обстоятельствах²⁷. В случае, если выселение может повлиять на право выселяемого на жилище, то компетентные органы должны обеспечить, чтобы оно осуществлялось с соблюдением законодательства, совместимого с Пактом, и в соответствии с принципом соразмерности законной цели выселения и его последствий для выселяемых²⁸ (пункт 8.2 Соображений).

Комитет отмечает, что право на частную собственность не относится к числу прав, закрепленных в Пакте, но признает законный интерес государства-участника в обеспечении защиты всех прав, признанных его законодательством, если это не противоречит Правам, закрепленным в Пакте (пункт 9.2 Соображений).

Когда выселение может привести к лишению выселяемого доступа к достаточному жилищу и подвергнуть того риску обнищания или другого нарушения его прав, защищаемых Пактом, возникает обязанность изучить соразмерность данной меры. Это вытекает из толкования обязательств государства-участника согласно пункту 1 статьи 2 Пакта в сочетании со статьей 11 и в соответствии с требованиями статьи 4... Комитет отмечает, что статья 4 Пакта устанавливает условия, допускающие ограничение пользования правами в соответствии с Пактом. Во-первых, ограничение должно быть определено законом. Во-вторых, ограничение должно способствовать общему благосостоянию в демократическом обществе. В-третьих, ограничение должно быть соразмерным упомянутой законной

9 октября 2012 г. у нее было диагностировано онкологическое заболевание – рак, а 2 октября 2015 г. она была признана имеющей инвалидность в 41%. В момент регистрации сообщения она ожидала онкологической операции, которая была назначена на октябрь 2018 года. Кроме того, автор пояснила, что она не могла жить в доме, которым она владеет на правах общей собственности со своим мужем, проживающем в нем, и она боится вновь подвергнуться насилию.

²³ Замечание общего порядка № 4 (1991) о праве на достаточное жилище, пункт 1.

²⁴ Там же, пункты 7 и 9.

²⁵ Там же, пункт 7.

²⁶ Там же, пункт 12.

²⁷ Там же, пункт 18, и Замечание общего порядка № 7 (1997) о принудительном выселении, пункт 1.

²⁸ См.: *Бен Джазия и Беллили против Испании*, пункт 13.4.

цели. В-четвертых, ограничение должно быть необходимым в том смысле, что, если имеется несколько мер, которые могут разумно привести к достижению цели данного ограничения, то должна быть избрана мера, которая меньше всего ограничивает право. Наконец, положительные результаты, достигаемые ограничением, способствующим общему благосостоянию, должны перевешивать его воздействие на использование ограничиваемого права. Чем серьезнее воздействие на права автора, защищаемые Пактом, тем больше внимания следует уделять обоснованию такого ограничения. Такое изучение соразмерности меры должно проводиться судебным органом или другим беспристрастным и независимым органом, уполномоченным выносить постановление о прекращении нарушения и предоставить эффективное средство правовой защиты. Этот орган должен установить соответствует ли выселение Пакту, включая изложенные выше элементы критерия соразмерности, предусмотренные в статье 4 Пакта (пункт 9.4 Соображений).

[Н]ормативная база [регулирующая выселение людей из их домов в соответствии с законодательством, совместимым с Пактом] должна предусматривать, что судебные органы или другие беспристрастные и независимые органы, уполномоченные принимать постановления о прекращении нарушения и предоставлять эффективные средства правовой защиты, должны определять соразмерность заявлений о выселении в таких условиях. Анализ соразмерности выселения связан с изучением не только последствий этой меры для выселяемых, но и, в числе прочего, затрагиваемых интересов стороны или лица, имеющ[их] право требовать выселения. Наличие другого достаточного жилища, обстоятельства личности жильцов и их иждивенцев, и их сотрудничество с властями в поисках учитывающих их положение решений, также являются важнейшими факторами при проведении такого изучения. Необходимо проводить различие между недвижимостью лиц, которым она необходима для проживания или для получения средств к существованию, и имуществом финансовых или любых других структур²⁹. Таким образом, государство-участник, [определяющее], что лицо, чья аренда прекращена, должно быть немедленно выселено независимо от обстоятельств, при которых будет исполнено постановление о выселении, нарушает право на достаточное жилище³⁰ (пункт 9.5 Соображений).

Комитет подчеркивает – решение о том, что выселение не является разумной мерой в данный момент, не обязательно означает следующее: постановление о выселении не может быть принято. Однако принцип соразмерности может потребовать, чтобы исполнение постановления о выселении было приостановлено или отложено, чтобы выселяемые не оказались в ситуации бедности или нарушения других прав, закрепленных в Пакте. Постановление о выселении также может устанавливать другие

²⁹ См.: *Лопес Альбан против Испании*, пункт 11.5.

³⁰ Там же, пункт 11.7.

требования, такие как требование к административным властям принять меры по оказанию помощи жильцам для уменьшения последствий выселения³¹. Таким образом, необходимость изучения соразмерности выселения может привести к рассмотрению целесообразности отсрочки выселения на период обсуждения компетентными властями с выселяемыми имеющихся различных вариантов (пункт 9.6 Соображений).

Комитет напоминает, что в соответствии с его практикой³² принятие временных мер в соответствии со статьей 5 Факультативного протокола имеет важное значение для выполнения функций, возложенных на Комитет согласно Протоколу³³, поскольку смысл временных мер заключается, в числе прочего, в том, чтобы оградить надежность вверенного ему процесса защиты прав, предусмотренных в Пакте, в случае риска непоправимого ущерба³⁴. Любое государство-участник, которое не принимает таких временных мер, нарушает обязательство добросовестно соблюдать процедуру индивидуальных сообщений, установленную в Факультативном протоколе [к Пакту]³⁵. Это также ограничивает способность Комитета предоставлять эффективные средства правовой защиты лицам, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения Пакта (пункт 10.2 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: было установлено, что автор всю свою жизнь прожила в доме, арендованном ее родителями в 1963 г., и продолжала жить в нем и платить арендную плату после смерти ее родителей. В 1982 г. автор приобрела дом со своим супругом, с которым они проживают отдельно, и в настоящее время занимающим этот дом, который находится в его исключительном пользовании, хотя по условиям соглашения о раздельном проживании оба супруга сохраняют совместное право владения и пользования домом. Автор подверглась гендерному насилию и сообщила об этом в свою поликлинику и органы социального обеспечения. Кроме того, она имела признанную инвалидность в 41%. 30 апреля 2013 г. домовладелец подал иск к автору, чтобы выселить ее. 20 февраля 2014 г. суд первой инстанции № 86 Мадрида

³¹ Там же.

³² См.: *C. C. P. против Испании* (Е/С.12/66/D/51/2018), пункты 7.6 и 7.7.

³³ Комитет против пыток, *Субакаран Р. Тиругнанасампантар против Австралия* (САТ/С/61/D/614/2014), пункт 6.1.

³⁴ См.: *mutatis mutandis* Европейский Суд по правам человека (Большая палата), *Маматкулов и Аскарлов против Турции* (заявления № 46827/99 и 46951/99), решение от 4 февраля 2005 г., пункт 128 («Государства-участники взяли на себя обязательства воздерживаться от любого действия или бездействия, способного воспрепятствовать реальному осуществлению права заявителя на индивидуальную жалобу. Несоблюдение государством-участником защитительных мер рассматривается как препятствие для реального рассмотрения Судом жалобы заявителя и реального осуществления прав лицом, а, следовательно, как нарушение статьи 34 Конвенции»); и Комитет против пыток, *Субакаран Р. Тиругнанасампантар против Австралии*, пункт 6.1.

³⁵ Комитет по правам человека, Замечание общего порядка № 33 (2008) об обязательствах государств-участников по Факультативному протоколу к Международному пакту о гражданских и политических правах, пункт 19.

признал прекращенной аренду дома. Это решение было подтверждено во второй инстанции Провинциальным судом Мадрида и обжаловано в Верховном суде 20 сентября 2017 г. 12 марта 2018 г. суд первой инстанции № 86 Мадрида предписал автору освободить дом 16 мая 2018 г. В первый раз выселение было приостановлено из-за административной ошибки, а во второй – из-за поддержки нескольких граждан, протестовавших перед домом автора. Автор ходатайствовала о приостановлении выселения после получения уведомления о каждом постановлении о выселении, утверждая, что у нее не было другого жилья. 14 мая 2018 г. автор подала ходатайство о предоставлении социального жилья (пункт 7.2 Соображений).

Автор была выселена после прекращения договора аренды судом первой инстанции № 86 по решению, подтвержденному во второй и в кассационной инстанциях. Автор не утверждала, что она не пользовалась процессуальными гарантиями, и из представленной Комитету информации никак не следовало, что этот процесс был произвольным (пункт 9.1 Соображений).

Автор не освободила дом и продолжала жить в нем, поэтому суд первой инстанции № 86 Мадрида принял постановление выселить ее. Комитет отметил утверждение государства-участника о необходимости учета требования владельца собственности – физического лица.... Судебные органы постановили расторгнуть договор аренды после проведения процесса, по поводу которого автор не утверждала, что ее процессуальные права не были соблюдены. Комитет счел – имелась законная причина, которая могла оправдать выселение автора (пункт 9.2 Соображений).

Комитет отметил, что суд отклонил ходатайства автора о приостановлении выселения, где она сообщила о своей ситуации особой экономической уязвимости и об отсутствии у нее другого жилья. Отклонив ходатайство о приостановлении выселения, суд первой инстанции № 86 Мадрида не рассмотрел вопроса о соразмерности между законной целью выселения и ее последствиями для выселяемой. Кроме того, законодательство государства-участника не предоставило автору какого-либо иного механизма обжалования постановления о выселении, которое должно было быть исполнено практически немедленно, чтобы другой орган мог оценить соразмерность выселения или условия, в которых оно должно было быть произведено (пункт 9.3 Соображений).

Комитет подчеркнул – органы государства-участника предложили автору ходатайствовать о предоставлении места в доме для людей, имеющих возможность самостоятельно обеспечивать себя, в общей квартире для престарелых или в совместном жилище, и что она отклонила эти варианты, поскольку они ей не подходили в ее ситуации (пункт 9.6 Соображений).

Комитет пришел к выводу – в обстоятельствах данного дела и в свете всей предоставленной ему документации автор была лишена возможности, чтобы соразмерность ее выселения была изучена судебным или другим беспристрастным и независимым органом, полномочным предписать

прекращение нарушения и предоставить эффективное средство правовой защиты. Комитет посчитал – такое изучение не было проведено, и это являлось нарушением государством-участником права автора на жилище, установленного в статье 11 Пакта в сочетании с пунктом 1 статьи 2 (пункт 9.7 Соображений)³⁶.

Комитет указал, что 17 октября 2018 г. автор была выселена, несмотря на просьбу Комитета о [временных обеспечительных] мерах и без предоставления другого подходящего жилья, проведя с ней обсуждение. В отсутствие объяснения со стороны государства-участника причин, по которым временные меры не могли быть приняты, Комитет резюмировал, что в обстоятельствах данного дела государство-участник нарушило статью 5 Факультативного протокола (пункт 10.3 Соображений).

Выводы Комитета: государство-участник нарушило право автора на эффективное средство правовой защиты в соответствии с пунктом 1 статьи 11 Пакта в сочетании с пунктом 1 статьи 2 и согласно требованиям статьи 4. Комитет также посчитал, что государство-участник нарушило статью 5 Факультативного протокола (пункт 12 Соображений).

Марибель Вивиана Лопес Альбан против Испании. Соображения Комитета по экономическим, социальным и культурным правам от 11 октября 2019 г. Сообщение № 37/2018.³⁷

Правовые позиции Комитета: выселения не должны приводить к появлению бездомных лиц или лиц, уязвимых с точки зрения нарушения других прав человека. В тех случаях, когда затрагиваемые лица не способны обеспечить себя средствами к существованию, государство-участник должно принять все необходимые меры при максимальном использовании имеющихся ресурсов для предоставления в зависимости от обстоятельств надлежащего альтернативного жилья, расселения или доступа к

³⁶ Комитет отмечает, что «после событий, изложенных в настоящем сообщении, государство-участник приняло новое законодательство, в соответствии с которым суд обязан сообщить органам социального обеспечения о выселении лиц в уязвимой ситуации, и если органы социального обеспечения устанавливают уязвимость лиц, в отношении которых принято постановление о выселении, то суд вправе приостановить выселение, чтобы органы социального обеспечения могли оказать помощь, на срок до одного месяца, или трех месяцев, если иск подан юридическим лицом [См. статью 441 Закона № 1/2000 о гражданском судопроизводстве с поправками, внесенными королевским декретом-законом № 7/2019 о неотложных мерах в области жилья и аренды]. Это законодательство могло бы предотвратить такие нарушения права на жилище, как установленное в настоящих соображениях, и могло бы быть полезно для восстановления положения заявителя» (пункт 9.8 Соображений).

³⁷ Автор утверждала, что ее выселение вместе с ее детьми будет представлять собой нарушение статьи 11 Пакта, поскольку у нее нет альтернативного достаточного жилья. Автор пояснила, что ее доходов недостаточно для поиска альтернативного жилья, поскольку она ежемесячно получает всего лишь 735,90 евро, выплачиваемые ей в качестве минимального пособия по интеграции. Автор также утверждала, что до ее выселения государственные власти не предложили ей никакого альтернативного жилья.

плодородным землям³⁸. Государство-участник обязано принимать разумные меры для предоставления альтернативного жилья лицам, которые в результате выселения могут остаться без крыши над головой, независимо от того, было ли решение о выселении принято властями государства-участника или частными лицами, например, владельцем недвижимости³⁹. Если в случае выселения государство-участник не гарантирует или не предоставляет затрагиваемому лицу альтернативного жилья, то оно должно продемонстрировать, что им были рассмотрены конкретные обстоятельства дела и что даже после принятия всех разумных мер в максимальных пределах имеющихся ресурсов право затрагиваемого лица на жилище не может быть удовлетворено. Представленная государством-участником информация должна позволять Комитету оценить целесообразность мер, принятых в соответствии с пунктом 4 статьи 8 Факультативного протокола [к Международному пакту об экономических, социальных и культурных правах]⁴⁰ (пункт 9.1 Соображений).

Обязательство предоставлять альтернативное жилье нуждающимся в нем выселяемым лицам подразумевает, что в соответствии с пунктом 1 статьи 2 Пакта государства-участники принимают все необходимые меры в максимальных пределах имеющихся у них ресурсов для осуществления этого права. Государства-участники могут выбирать из самых разнообразных стратегий необходимую для достижения этой цели⁴¹. Вместе с тем любые принимаемые меры должны быть осознанными, конкретными и как можно более четко нацеленными на осуществление этого права⁴² как можно более быстрым и эффективным образом. Стратегии обеспечения альтернативным жильем в случае выселений должны быть соразмерны потребностям затрагиваемых лиц и степени неотложности ситуации, а также должны осуществляться с уважением к достоинству личности. Кроме того, государствам-участникам следует принимать согласованные и скоординированные меры для устранения институциональных сбоев и структурных причин бездомности⁴³ (пункт 9.2 Соображений).

Альтернативное жилье должно быть достаточным. Хотя достаточность определяется отчасти социальными, экономическими, культурными, климатическими, экологическими и иными факторами, Комитет считает, что

³⁸ Замечание общего порядка № 7, пункт 16.

³⁹ См.: *Бен Джазия и Беллили против Испании*, пункт 15.2.

⁴⁰ Там же, пункт 15.5. См. также: заявление Комитета по вопросу об оценке обязательства по принятию мер «в максимальных пределах имеющихся ресурсов», предусмотренного Факультативным протоколом к Пакту (E/C.12/2007/1).

⁴¹ Замечание общего порядка № 4, пункт 8 с). См. также: пункт 13.

⁴² Замечание общего порядка № 3 (1990) о природе обязательств государств-участников, пункт 2. См. также: письмо Председателя Комитета от 16 мая 2012 г. в адрес государств-участников Пакта.

⁴³ См., например: доклад Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень и о праве на недискриминацию в этом контексте (A/HRC/31/54), пункты 28–38.

тем не менее можно определить некоторые аспекты этого права, которые должны приниматься во внимание для этой цели в каком-либо конкретном контексте. Они включают следующее: правовое обеспечение проживания; наличие услуг, материалов, возможностей и инфраструктуры; приемлемость с точки зрения расходов; пригодность для проживания; экономическая доступность; географическое положение, позволяющее иметь доступ к социальным услугам (образованию, занятости, медицинской помощи); и адекватность в плане культуры, которая обеспечивает соблюдение права на выражение культурной самобытности и многообразия⁴⁴. Необходимо также принимать во внимание право членов семьи не быть разлученными (пункт 9.3 Соображений).

В определенных обстоятельствах государства-участники могут демонстрировать, что даже после всех усилий, предпринятых ими в максимальных пределах имеющихся ресурсов, было невозможно предоставить постоянное альтернативное жилье выселяемому лицу, которое нуждается в такого рода жилье. В таких обстоятельствах возможно использование временного размещения в помещениях чрезвычайного жилого фонда, не отвечающего всем требованиям, предъявляемым к достаточному альтернативному жилью. Вместе с тем государства должны стремиться к тому, чтобы временное жилье было совместимо с защитой человеческого достоинства выселенных лиц, отвечало всем требованиям безопасности и его предоставление являлось не постоянным решением, а шагом на пути к обеспечению достаточным жилищем (пункт 9.4 Соображений).

Комитет считает, что государства-участники в целях оптимизации ресурсов своих социальных служб могут устанавливать требования или условия, которые должны соблюдаться заявителями для получения социальных услуг, таких, как альтернативное жилье. Государства также могут принимать меры по защите частной собственности и предотвращению незаконного и недобросовестного завладения недвижимостью. Однако условия доступа к социальным услугам должны быть разумными и тщательно разработанными не только во избежание возможной стигматизации, но и потому, что, когда какое-либо лицо ходатайствует о предоставлении альтернативного жилья, его поведение не может само по себе служить основанием для отказа в предоставлении социального жилья государством-участником⁴⁵. Кроме того, при толковании и применении судами и административными органами норм, регулирующих доступ к социальному жилью или альтернативному заселению, необходимо избегать закрепления системной дискриминации и стигматизации в отношении живущих в бедности лиц, которые в силу необходимости или добросовестно

⁴⁴ Замечание общего порядка № 4, пункт 8.

⁴⁵ См.: *Бен Джазия и Беллили против Испании*, пункт 17.2. Доклад Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень и о праве на недискриминацию в этом контексте (A/HRC/40/61), пункт 41.

занимают недвижимость, не имея на это правового титула⁴⁶ (пункт 10.1 Соображений).

Помимо этого, в той мере, в какой нехватка имеющегося и доступного жилья является результатом растущего неравенства и спекуляции на рынках жилья, государства-участники обязаны устранять эти структурные причины посредством принятия надлежащих, своевременных и скоординированных мер реагирования в максимальных пределах имеющихся у них ресурсов⁴⁷ (пункт 10.2 Соображений).

Во всех случаях необходимо проводить различие между собственностью лиц, которые нуждаются в ней для использования в качестве жилья или получения жизненно необходимых доходов, и собственностью финансовых учреждений... Вывод о том, что выселение не является разумной мерой в тот или иной конкретный момент, не обязательно означает, что нельзя издавать приказы о выселении жильцов. Тем не менее принципы целесообразности и пропорциональности могут потребовать приостановления или отсрочки исполнения приказа о выселении с тем, чтобы не подвергать выселяемых лиц риску оказаться в ситуациях нищеты или нарушения других прав, закрепленных в Пакте. Приказ о выселении может также обуславливаться другими такими факторами, как предписание административным органам принять меры помощи для смягчения последствий выселения в интересах жильцов... [А]нализ пропорциональности выселения предполагает не только рассмотрение последствий этой меры для выселяемых лиц, но и необходимости для собственника вновь получить во владение эту собственность (пункт 11.5 Соображений).

Комитет напоминает, что понятие достаточного жилища предполагает обеспечение гарантии проживания, чего нельзя сказать о приютах (пункт 13.2 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: автор заселилась в жилище 1 марта 2013 г. 2 декабря 2016 г. по жалобе банка, которому принадлежало жилище, Уголовный суд № 15 признал автора виновной в совершении уголовного проступка, состоявшего в самозахвате жилища, частично освободив ее от ответственности по причине состояния необходимости, в котором она находилась, занимая жилище. Суд постановил вернуть жилище во владение банка, которому оно принадлежало. Это решение было подтверждено Мадридским провинциальным судом 25 июля 2017 г. (пункт 11.1 Соображений).

⁴⁶ Доклад Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень и о праве на недискриминацию в этом контексте (A/HRC/40/61), пункт 41.

⁴⁷ См.: *Бен Джазия и Беллили против Испании*, пункт 17.2. Доклад Специального докладчика по вопросу о достаточном жилище как компоненте права на достаточный жизненный уровень и о праве на недискриминацию в этом контексте (A/HRC/34/51), пункты 27–29.

Автор не выполнила предписания о возвращении имущества и осталась в жилище, однако выселение было все же осуществлено только 25 июня 2018 г.

В своих ходатайствах о приостановлении выселения автор отмечала: она находится в особо уязвимом экономическом положении и у нее нет альтернативного жилья, куда она могла бы переехать в случае выселения. Кроме того, 8 мая 2018 г. социальные службы мэрии Мадрида направили в Мадридский уголовный суд № 28 отчет, в котором они сообщали о том, что не имели возможности предоставить семье социальное жилье. Комитет отметил следующее – утверждения автора относительно ее права на жилище не были рассмотрены судебными органами. В этой связи Комитет подчеркнул – несмотря на отказ в удовлетворении просьб о приостановлении процедуры 9 февраля и 10 мая 2018 г. выселение было произведено лишь 25 июня 2018 г., т.е. спустя полтора года после вынесения решения в первой инстанции (пункт 11.3 Соображений).

Комитет обратил внимание на тот факт, что для государства-участника разрешение автору оставаться в жилище было бы равносильно легализации – путем осуществления права на жилище – уголовно наказуемого поведения и нарушения, по смыслу национального законодательства, права собственности учреждения, которому принадлежало жилище. Комитет указал, что право частной собственности не является правом, о котором идет речь в Пакте, но признал законную заинтересованность государства-участника в обеспечении защиты всех прав, существующих в его правовой системе, при условии, что это не противоречит правам, изложенным в Пакте. Поскольку автор была признана виновной в совершении уголовного проступка, состоявшего в самозахвате, Комитет посчитал, что существовала законная причина, которая могла бы оправдывать выселение автора. Тем не менее Комитет указал следующее – Мадридский уголовный суд № 28 не рассмотрел вопрос о пропорциональности между законной целью выселения и его последствиями для выселяемых лиц. По сути, суд не уравнивал преимущество этой меры, имевшееся в тот момент, – в данном случае защиту права собственности учреждения-владельца недвижимости – с последствиями, которые эта мера могла бы иметь для прав выселяемых лиц (пункт 11.5 Соображений).

[X]отя автор утверждала, что эта мера [по выселению] затронет ее право на достаточное жилище, ее утверждение не привело к рассмотрению Уголовным судом № 28 или каким-либо другим судебным органом вопроса о пропорциональности вмешательства, как того требует статья 4 Пакта. Мадридский уголовный суд № 15 рассмотрел вопрос о пропорциональности между вредом, причиненным автором путем совершения правонарушения в виде самозахвата, и тяжелым положением, которое она пыталась облегчить путем его совершения, суд пришел к выводу о частичном освобождении от ответственности ввиду состояния необходимости. Тем не менее это рассмотрение не относилось к решению издать предписание о возвращении

жилья, которое содержалось в том же приговоре. Законодательство государства-участника также не предусматривало предоставления автору какого-либо другого судебного механизма для оспаривания приказа о выселении, который должен был исполняться практически незамедлительно, с тем чтобы другой судебный орган мог оценить пропорциональность выселения или условия, при которых оно должно осуществляться (пункт 11.6 Соображений).

Комитет отметил – автор пыталась исправить свое положение лица, занимающего квартиру без правового титула, с целью прекращения этого противоправного действия путем подачи заявления о предоставлении ей социального жилья в то время, как она находилась в столь тяжелом положении. Данное заявление не было удовлетворено, поскольку действующие правила устанавливают в качестве существенно важного требование о том, чтобы любой заявитель не занимал жилище или недвижимость без достаточного законного права на это и без согласия владельца. Комитет подчеркнул: государство-участник не ставило под сомнение тот факт, что семья автора нуждалась в социальном жилье, а ограничился утверждением о том, что до выселения автор не могла ходатайствовать о предоставлении жилья в службах государственного жилья Мадридского сообщества. Комитет учел, что это требование может преследовать цель сокращения числа случаев незаконного занятия жилья, но отметил, что государство-участник не привело аргументов для обоснования данного требования, не позволившего включить автора в список претендентов на получение жилья. Государство-участник также не обосновало факт отсутствия других, менее неблагоприятных для людей мер по сокращению числа случаев незаконного занятия жилья, таких как сокращение количества пустующих жилищ (пункт 12.1 Соображений).

Комитет посчитал, что применение к автору требования в отношении доступа к листу ожидания просителей государственного жилья завело ее в тупик, вынудив жить со своими детьми во временном приюте для совместного проживания или жить в нищете, прежде чем она смогла стать претендентом на получение социального жилья. Кроме того, [Комитет] указал – такое ограничение доступа к социальному жилью могло привести к перекладыванию на детей бремени последствий действий их родителей. Обратил на себя внимание тот факт, что в данном случае государство не продемонстрировало и не утверждало, что из-за отсутствия имеющихся ресурсов до выселения оно не могло предоставить автору и ее семье альтернативного жилья без того, чтобы отказать ей во включении в список заявителей на том основании, что она занимала жилую недвижимость без правового титула (тем самым лишив автора малейшей возможности доступа к имеющемуся альтернативному жилью). Комитет указал, что применение этого требования несовместимо с природой права на достаточное жилище. В силу вышеизложенного Комитет пришел к выводу – исключение автора из программы социального жилья без учета ее положения нуждаемости

закрепляло ее нелегальное положение и привело к ее выселению (пункт 12.2 Соображений).

Комитет отметил, что самый большой срок пребывания автора и ее детей в приюте составил три месяца, после чего ее уведомили, что ей нужно покинуть приют вместе с семьей, хотя позднее эта ситуация была урегулирована благодаря вмешательству участников митинга общественности. Ввиду этого приюты, как их описывает государство-участник, являются временным решением жилищного вопроса, а не достаточным жилищем (пункт 13.2 Соображений).

Придя к выводу о том, что альтернатива, предоставленная автору, не являлась достаточным жилищем, и в отсутствие каких-либо дополнительных разъяснений со стороны государства-участника того, почему нельзя было соблюсти временные меры, Комитет в соответствии со своей практикой, касающейся обязательства государств-участников добросовестно соблюдать временные меры, считает, что государство-участник, с учетом обстоятельств данного дела, нарушило статью 5 Факультативного протокола.

Выводы Комитета: государство-участник нарушило право автора и ее детей по смыслу пункта 1 статьи 11 Пакта.

В сфере семейных правоотношений

право на уважение личной и семейной жизни

практика Комитета ООН по правам человека

Нимо Мохаммед Аден и Либан Мохаммед Хассан против Дании.
Соображения Комитета по правам человека от 8 июля 2019 г. Сообщение № 2531/2015⁴⁸.

⁴⁸ Авторы утверждали, что отклонение их ходатайства о воссоединении семьи на территории Дании представляло собой незаконное вмешательство государства-участника в их право на семейную жизнь, защищаемое статьями 17 и 23 Пакта. Они показали, что применение в их деле презумпции, предусмотренной пунктом 8 статьи 9 Закона об иностранцах, равносильно переносу бремени доказывания. Они подчеркнули – не смогли эффективно оспорить эту презумпцию и добиться ее отмены, поскольку г-же Аден не была предоставлена возможность сделать устное заявление в Апелляционном совете по вопросам иммиграции. Таким образом, авторы отметили, что миграционные власти пришли к выводу о том, что их брак являлся принудительным, не было проведено тщательного расследования и возложено бремя доказывания исключительно на них, что является нарушением как статьи 17, так и статьи 23 Пакта.

В пункте 8 статьи 9 Закона об иностранцах указано: «[п]ри отсутствии исключительных оснований, убедительно свидетельствующих об обратном... вид на жительство в соответствии с подпунктом 1 i) не может быть выдан, если следует считать сомнительным, что брак был заключен или сожительство было установлено по собственному желанию обеих сторон. Если брак был заключен или сожительство было установлено между близкими родственниками или другими тесно связанными между собой сторонами, то следует считать сомнительным, что брак был заключен или

Правовые позиции Комитета: Комитет ссылается на свое [3]амечание общего порядка № 16 (1988) о праве на личную жизнь, в котором в отношении термина «семья» указывается, что назначение Пакта требует, чтобы для целей статьи 17 [Международного пакта о гражданских и политических правах] это понятие толковалось широко и охватывало всех тех, кто входит в состав семьи, как она понимается в обществе соответствующего государства-участника. В своем [3]амечании общего порядка № 19 (1990) о семье Комитет также отмечает – понятие семьи в определенных аспектах может отличаться в различных государствах и даже в разных районах одного государства и подчеркивает, что когда в законодательстве и практике какого-либо государства группа лиц рассматривается в качестве семьи, то она должна являться объектом защиты, предусмотренной статьей 23 (пункт 10.3 Соображений).

Комитет напоминает, статья 23 Пакта гарантирует защиту семейной жизни, включая заинтересованность в воссоединении семьи. Для целей Пакта термин «семья» должен толковаться широко и охватывать всех тех, кто входит в состав семьи, как она понимается в соответствующем обществе. Право на защиту семейной жизни необязательно утрачивается из-за географического разделения семьи, супружеской неверности или отсутствия супружеских отношений⁴⁹. Тем не менее изначально должен существовать предмет защиты в форме семейных уз (пункт 10.4 Соображений).

Комитет обращает внимание – как правило, именно органы государств-участников должны оценивать факты и доказательства по рассматриваемому делу, с тем чтобы принять решение о применении внутреннего законодательства (в настоящем деле – положений статьи 9 (пункт 8) Закона об иностранцах), если только не может быть установлено, что такая оценка носила явно произвольный характер или была равнозначна явной ошибке или отказу в правосудии (пункт 10.5 Соображений).

[С]овместное проживание мужа, жены и ребенка должно рассматриваться как нормальное положение семьи⁵⁰ (пункт 10.8 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: было принято к сведению утверждение авторов о том, что отклонение их ходатайства о воссоединении семьи из-за презумпции, содержащейся в пункте 8 статьи 9 Закона об иностранцах, что равносильно переносу бремени доказывания, представляло собой незаконное вмешательство государства-участника в их

совместительство было установлено по собственному желанию обеих сторон, если только конкретные основания, включая соображения уважения единства семьи, не свидетельствуют об обратном».

Воссоединение семьи включается в сферу охвата защиты, предоставляемой статьей 23 Пакта (см.: *Нгамби и Неболь против Франции* (CCPR/C/81/D/1179/2003), пункт 6.4).

⁴⁹ См.: *Нгамби и Неболь против Франции* (CCPR/C/81/D/1179/2003), пункт 6.4.

⁵⁰ См.: *Омеерудди-Циффра и др. против Маврикия* (CCPR/C/12/D/35/1978), пункт 9.2, в котором указано, что в принципе статья 17 (пункт 1) также применяется, когда один из супругов является иностранцем.

право на семейную жизнь, защищаемое статьями 17 и 23 Пакта (пункт 10.2 Соображений).

Комитет отметил, что заключение авторами брака в Кении не оспаривалось, а было поставлено под сомнение (главным образом, то, как авторы могли доказать, что их отношения не являлись принудительным браком и они вступили в супружеские отношения на основе своего свободного и полного согласия). Комитет учел заключение Апелляционного совета по вопросам иммиграции, согласно которому авторы не смогли доказать наличие существенных оснований так полагать, в результате чего авторы не смогли эффективно оспорить и опровергнуть презумпцию принудительного брака в соответствии со статьей 9 (пункт 8) Закона об иностранцах. Комитет отметил: Совет обосновал свое решение тем, что авторы являются двоюродными братом и сестрой и не жили вместе до и после заключения брака и что Совет пришел к выводу о том, что они не смогли доказать наличие у них семейных уз, подлежащих защите. Вместе с тем Комитет напомнил следующее: это решение было принято без предоставления г-же Аден возможности сделать устное заявление и без вызова других свидетелей в Совет. Следовательно, датские иммиграционные власти не оценили супружеские отношения авторов на основе прямых свидетельских показаний г-жи Аден. Комитет также подчеркнул – применяемые государством-участником критерии оценки того, каким образом авторы могут доказать свои супружеские отношения (помимо совместного проживания) неясны поскольку авторы неоднократно информировали датские власти о том, что их брак был заключен по обоюдному согласию, что у них есть ребенок и что они часто общались как по телефону, так и во время визита г-на Хассана к своей супруге, все это позволяло предположить, что их отношения, продолжающиеся в течение последних семи лет, подпадают под определение «семьи» в соответствии со статьями 17 и 23 (пункт 10.6 Соображений).

Комитет принял к сведению утверждение государства-участника о том, что правило презумпции, содержащееся в статье 9 (пункт 8) Закона об иностранцах, было разработано с целью защиты брака, заключенного при свободном и полном согласии. Однако с учетом вышеизложенного Комитет посчитал – при оценке супружеских отношений авторов иммиграционные власти не учли должным образом супружеские отношения авторов в контексте их личной ситуации и культуры страны их происхождения (пункт 10.7 Соображений).

Что касается утверждений авторов относительно статей 17 и 23, то Комитет отметил, что действия государства-участника можно квалифицировать как препятствование воссоединению семьи в Дании.... Следовательно, отказ супругу в выдаче визы в страну, где проживает другой супруг и их совместный ребенок, может быть приравнен к вмешательству по смыслу статьи 17. Таким образом, Комитет резюмировал, что государство-

участник не выполнило свое закрепленное в статьях 17 и 23 обязательство уважать ячейку семьи (пункт 10.8 Соображений).

Выводы Комитета: представленные факты свидетельствуют о неоправданном вмешательстве в семейную жизнь и о нарушении государством-участником статей 17 и 23 Пакта в отношении г-на Хассана (пункт 11 Соображений).

практика Комитета ООН по правам ребенка

См. также вышеприведенные Соображения Комитета по правам ребенка от 3 февраля 2020 г. по делу *Н. Р. против Парагвая*. Сообщение № 30/2017⁵¹. Комитет пришел к выводу о том, что непринятие государством-участником эффективных мер для соблюдения права дочери автора на поддержание личных отношений и прямых контактов со своим отцом на регулярной основе лишило ее возможности пользоваться своими правами, закрепленными в Конвенции о правах ребенка.

В сфере социально-трудовых правоотношений

защита прав несовершеннолетних (предоставление социального пособия беженцам)

практика Комитета ООН по правам человека

Джамшед Хашеми и Мариам Хашеми против Нидерландов. Соображения Комитета по правам человека от 26 марта 2019 г. Сообщение № 2489/2014⁵².

Правовые позиции Комитета: Комитет напоминает о том, что в соответствии со статьей 24 [Международного пакта о гражданских и политических правах] каждый ребенок имеет право на особые меры защиты, которые требуются в его положении как малолетнего⁵³. Он напоминает также – при принятии всех затрагивающих ребенка решений применение принципа, предполагающего уделение первоочередного внимания наилучшему обеспечению интересов ребенка, является

⁵¹ См.: подраздел «вопросы неисполнения (несвоевременного исполнения) судебных актов (несоблюдение установленного судом порядка общения родителей с ребенком)» раздела «В сфере административно-правовых отношений».

⁵² Комитет принял к сведению утверждение авторов о том, что общее пособие по уходу за ребенком могло рассматриваться в качестве необходимой меры защиты в силу положения ребенка как малолетнего со стороны его семьи, общества и государства (как предусмотрено в статье 24 Пакта), и что, отклонив их ходатайство о получении общего пособия по уходу за ребенком, государство-участник не обеспечило Р. необходимых мер защиты в силу ее положения как малолетней в соответствии с пунктом 1 статьи 24 Пакта.

⁵³ См.: Замечание общего порядка № 17, пункт 4; см. также: *Mónaco de Gallicchio v. Argentina* (CCPR/C/53/D/400/1990), para. 10.5.

неотъемлемой частью права каждого ребенка на меры защиты, предусмотренные в пункте 1 статьи 24 [Пакта]⁵⁴. В рамках обеспечения соответствия положениям пункта 1 статьи 24 государства-участники Пакта несут позитивное обязательство по защите детей от физического и психологического вреда, которое может включать в себя гарантирование прожиточного минимума (пункт 9.3 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: было отмечено утверждение авторов о том, что при решении вопроса о предоставлении пособия по уходу за ребенком государству-участнику следовало уделять первоочередное внимание наилучшему соблюдению интересов детей. По данному вопросу от Комитета не требовалось принимать общих решений относительно обязательств государств-участников Пакта по предоставлению пособий по уходу за ребенком и решать, в какой степени ограничение права на получение такого пособия на основании статуса пребывания в стране является оправданным. Вместо этого Комитет ограничился вопросом о том, является ли отклонение ходатайства авторов о получении общего пособия по уходу за ребенком в конкретных обстоятельствах данного дела нарушением прав Р. согласно пункту 1 статьи 24 (пункт 9.2 Соображений)⁵⁵.

Комитет посчитал, что в соответствии с пунктом 1 статьи 24 Пакта на государстве-участнике лежит позитивное обязательство обеспечивать защиту физического и психологического благополучия детей, в том числе путем гарантирования средств к существованию в условиях, когда их родители не имеют другого дохода или помощи. Комитет учел не оспариваемое авторами утверждение государства-участника о том, что с января по сентябрь 2007 г. авторы сообщения получали ежемесячное пособие согласно Положению о

⁵⁴ См.: *Бахтияри и др. против Австралии*, пункт 9.7.

⁵⁵ Комитет отметил, что 15 августа 2001 года авторы подали первое ходатайство о предоставлении убежища, которое было отклонено 24 февраля 2003 г., и что это решение стало окончательным после вердикта Государственного совета от 8 февраля 2005 года. Комитет подчеркнул также, что авторы жили в приюте, находящемся в ведении Центрального агентства по приему просителей убежища, с момента их прибытия в 2001 г. до 17 марта 2005 г., когда им было предложено покинуть страну после отклонения их ходатайства о предоставлении убежища. Комитет указал далее, что в течение этого периода авторы сообщения имели право на еженедельное денежное пособие на питание, одежду и другие личные расходы, досуговые мероприятия и оплату медицинских расходов в соответствии с распоряжением о просителях убежища и других категориях иностранцев. Комитет отметил, что 21 декабря 2005 г. и 19 сентября 2006 г. авторы представили два ходатайства о предоставлении вида на жительство и что 13 октября 2008 г. они представили ходатайство об отсрочке исполнения распоряжения о высылке, поскольку г-жа Хашеми была беременна их вторым ребенком. Комитет принял к сведению предоставленную статс-секретарем юстиции 2 ноября 2008 г. отсрочку, которая позволила авторам сообщения оставаться в стране с 11 ноября 2008 г. до конца января 2009 г. и дала им право на законное пребывание в течение этого периода (пункт 9.4 Соображений).

выплатах определенным категориям иностранцев и что четыре дня в неделю за Р. осуществлялся медицинский уход. Комитет отметил – с 11 ноября 2008 г. авторы вновь начали получать ежемесячное пособие и Р., независимо от ее статуса пребывания, имела доступ к медицинскому обслуживанию в случае возникновения опасных для жизни ситуаций и к образованию (пункт 9.5 Соображений).

Комитет отметил утверждение авторов о том, что государству-участнику следовало принять во внимание их конкретные обстоятельства, в частности, положение Р. как уязвимого ребенка с особыми потребностями, а также их крайнюю нищету и лишения, которые, по их мнению, являлись основной причиной состояния здоровья Р. Тем не менее в конкретных обстоятельствах данного дела Комитет посчитал, что авторы сообщения не установили связи между состоянием здоровья Р. и лишением их права на получение общего пособия по уходу за ребенком, поскольку не доказали, что имеющаяся у них альтернативная финансовая помощь ставила Р. в неблагоприятное положение с точки зрения ее здоровья по сравнению с помощью в рамках общей системы пособий по уходу за ребенком (пункт 9.6 Соображений).

Выводы Комитета: представленные факты не свидетельствуют о нарушении прав дочери авторов, закрепленных в пункте 1 статьи 24 Пакта (пункт 9.7 Соображений).

право лица принимать участие в ведении государственных дел как непосредственно, так и через посредство свободно выбранных представителей (вопросы увольнения с государственной службы)

практика Комитета ООН по правам человека

Гинтарас Ягминас против Литвы. Соображения Комитета по правам человека от 24 июля 2019 г. Сообщение № 2670/2015⁵⁶.

Правовые позиции Комитета: пункт с) статьи 25 [Международного пакта о гражданских и политических правах] предоставляет право допускаться на общих условиях равенства к государственной службе и... для обеспечения доступа на общих условиях равенства не только критерии, но и процедуры, применяемые в отношении назначения на должность,

⁵⁶ Автор утверждал, что были нарушены его права, предусмотренные пунктами 1 и 2 статьи 14 и пунктом с) статьи 25 Пакта. Автор посчитал – государство-участник нарушило не только принцип равенства состязательных возможностей (поскольку значительная часть доказательств не была раскрыта автору), но и принцип презумпции невиновности в рамках общего принципа справедливого судебного разбирательства по гражданскому делу. Кроме того, он обратил внимание на следующее – право допускаться на общих условиях равенства к государственной службе согласно пункту с) статьи 25 Пакта включает право не подвергаться произвольному увольнению с государственной службы, и поэтому он обратил внимание на то, что его право в соответствии с этим положением также было нарушено.

продвижения по службе, временного или полного отстранения от должности, должны быть объективными и обоснованными. Процедура не является объективной или обоснованной, если она не отвечает базовым требованиям процессуальной справедливости. Комитет считает также – право на равный доступ к государственной службе включает право не быть произвольно уволенным с государственной службы⁵⁷ (пункт 8.2 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: что касается вопроса о разумности относительно пункта с) статьи 25 [Международного пакта о гражданских и политических правах], то Комитет принял во внимание довод автора о том, что подпункт 4 пункта 1 статьи 18 Закона о государственной и служебной тайне четко предусматривал – оперативное наблюдение за государственным служащим ведет к увольнению с занимаемой должности. Оспариваемое положение не требовало от властей установления уголовной ответственности соответствующего лица, и после того, как оперативное наблюдение установлено, закон не оставлял властям возможности для усмотрения в отношении мер, подлежащих применению. В этой связи Комитет принял к сведению контраргумент государства-участника, утверждающего, что отсутствие окончательного судебного решения, устанавливающего уголовную ответственность данного лица, не означало, что то или иное лицо, желающее занять должность, требующую доступа к секретной информации, непременно пользовалось доверием государства и что уполномоченные учреждения государства не могли сомневаться в надежности или лояльности этого лица по отношению к государству Литва. Комитет отметил следующее – по мнению государства-участника, лояльность того или иного лица может быть поставлена под сомнение не только на основании наличия осуждения по уголовному делу, но и в результате получения информации о ненадежности или халатности этого лица в отношении потенциальных угроз в области безопасности. Что касается вопроса об объективности в соответствии с пунктом с) статьи 25, то Комитет учел довод государства-участника о том, что подпункт 4 пункта 1 статьи 18 Закона о государственной и служебной тайне, предписывающий прекращение допуска к секретной информации и последующее увольнение по причине нахождения под оперативным наблюдением, не являлся дискриминационным и не был применен дискриминационным образом в данном случае. Оспариваемое положение применимо к любому лицу, находящемуся в аналогичной ситуации (пункт 8.3 Соображений).

В своей оценке Комитет с самого начала отметил – даже если бы он действительно считал, что подпункт 4 пункта 1 статьи 18 Закона о государственной и служебной тайне, предписывающий оспариваемое вмешательство на основании факта осуществления оперативного наблюдения, являлся объективным критерием, поскольку он применялся к любому лицу в аналогичной ситуации без каких-либо различий, [то] на

⁵⁷ См., например: *Бандаранаяке против Шри-Ланки* (CCPR/C/93/D/1376/2005), пункт 7.1.

самом деле перед Комитетом [скорее] стоял вопрос о том, являлось ли данное положение разумным и содержало ли оно достаточные гарантии против произвольного осуществления. В этой связи Комитет посчитал крайне важным, чтобы оспариваемое положение не позволяло властям по своему усмотрению оценивать существенные обстоятельства конкретного дела, такие как тяжесть правонарушения или возможность того, что обвинения будут в конечном счете доказаны в суде.... Комитет принял во внимание аргумент государства-участника: сам факт оперативного наблюдения без установления уголовной ответственности может вызывать сомнения в отношении надежности того или иного лица. Комитет не оспаривал это утверждение, но при этом он обеспокоен следующим – закон не позволял властям проводить индивидуальную оценку обоснованности таких сомнений в отношении надежности того или иного лица в конкретной ситуации, а именно тем, что такие сомнения непременно вытекают из одного лишь факта введения оперативного наблюдения. Комитет... отметил, что оспариваемое положение не допускало никаких альтернатив увольнению с точки зрения мер, принимаемых после установления факта нахождения соответствующего лица под оперативным наблюдением. Поэтому индивидуальная оценка соответствующего дела не проводилась. Кроме того, закон не допускал внесения каких-либо исправлений в случае, если оперативное наблюдение не привело к выявлению каких-либо нарушений или действий, которые действительно могли бы оправдать наблюдение за указанным лицом. Комитет посчитал – хотя государство-участник показало, что вмешательство было предписано законом и соответствовало его положениям, оно не смогло объяснить, было ли такое вмешательство обоснованным именно с точки зрения необходимости и соразмерности принятой меры. На данном этапе Комитет подчеркнул следующее – Конституционный суд Литвы своим решением от 7 июля 2011 года [в том числе] и по вышеуказанным причинам пришел к выводу, что рассматриваемый закон представлял собой несоразмерное ограничение права на доступ к государственной службе на равной основе согласно Конституции. Однако в материалах дела нет информации, позволяющей предположить, что, даже если соответствующие законы Литвы более не допускали принятия таких ограничительных мер, то жалобы автора были рассмотрены в результате принятия этого решения. Комитет далее отметил – государство-участник не смогло продемонстрировать наличие каких-либо гарантий против злоупотребления оспариваемым положением, которые исключали бы возможность осуществления тайного наблюдения за определенными должностными лицами на произвольной основе и их увольнения с занимаемой должности без какого-либо разумного обоснования (пункт 8.4 Соображений).

Комитет резюмировал – увольнение автора, предусмотренное законом, где отсутствовали гарантии защиты от произвола, в сочетании с процедурой, которая не могла дать автору реальную перспективу оспорить основания для его увольнения, не может рассматриваться как обоснованное и,

следовательно, разумное с точки зрения преследуемой законной цели и требования соразмерности (пункт 8.5 Соображений).

Выводы Комитета: государство-участник нарушило право автора допускаться на общих условиях равенства к государственной службе. Имело место нарушение пункта с) статьи 25 Пакта.

В сфере уголовных и уголовно-процессуальных отношений

запрет пыток, иного недопустимого обращения

практика Комитета ООН против пыток

См. вышеприведенное Решение Комитета против пыток от 4 декабря 2019 г по делу *Пол Зентвельд против Новой Зеландии*. Сообщение № 852/2017.⁵⁸ Комитет пришел к выводу, что ненадлежащее проведение государством-участником эффективного расследования обстоятельств, при которых автор, находившийся в отделении для детей и подростков больницы Лейк-Элис, подвергался пыткам и иным актам жестокого обращения, противоречит статьям 12, 13 и 14 Конвенции против пыток, согласно которым на государство-участник возложено обязательство обеспечить проведение быстрого и беспристрастного расследования компетентными органами, если имеются разумные основания полагать, что имел место факт применения пыток и/или иного жестокого обращения.

вопросы выдачи

практика Комитета ООН против пыток

Исмет Бакай против Марокко. Решение Комитета против пыток от 4 декабря 2019 г. Сообщение № 826/2017⁵⁹.

Правовые позиции Комитета: Комитет прежде всего напоминает, что запрещение пыток носит абсолютный характер и не допускает отступлений и никакие исключительные обстоятельства не могут приводиться государством-участником в оправдание пыток⁶⁰. Абсолютный характер также носит закрепленный в статье 3 Конвенции [против пыток] принцип невыдворения лиц в другое государство, если существуют серьезные

⁵⁸ См.: подраздел «*Запрет пыток, иного недопустимого обращения*» раздела «*В сфере административно-правовых отношений*».

⁵⁹ Заявитель утверждал, что в случае его выдачи Турции он рискует подвергнуться пыткам со стороны турецких властей в нарушение его прав, предусмотренных статьей 3 Конвенции.

⁶⁰ Замечание общего порядка № 2 (2007) Комитета об осуществлении статьи 2 государствами-участниками, пункт 5.

основания полагать, что там им может угрожать применение пыток⁶¹ (пункт 7.2 Решения).

Комитет напоминает – в соответствии с пунктом 2 статьи 3 Конвенции государства-участники должны принимать во внимание все относящиеся к делу обстоятельства, включая существование в данном государстве постоянной практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека... Из этого следует – наличие практики грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека в той или иной стране само по себе не является достаточным основанием для того, чтобы прийти к выводу, что при возвращении в эту страну заявителю будет угрожать применение пыток; должны быть приведены дополнительные основания в подтверждение того, что такая опасность будет угрожать лично данному лицу⁶². В свою очередь, отсутствие постоянной практики вопиющих нарушений прав человека также не означает того, что соответствующее лицо не может быть подвергнуто пыткам с учетом конкретных обстоятельств его дела⁶³ (пункт 7.3 Решения).

Комитет ссылается на свое [3]амечание общего порядка № 4 (2017) об осуществлении статьи 3 Конвенции в контексте статьи 22, согласно которому обязательство о невыдворении существует во всех случаях, когда имеются «серьезные основания» полагать, что соответствующему лицу будет угрожать опасность подвергнуться пыткам в государстве, депортация в которое его ожидает, либо в качестве отдельного лица, либо в группе, которая может подвергнуться опасности применения пыток в государстве назначения, а также на свои прошлые решения, согласно которым «серьезные основания» существуют всякий раз, когда опасность пыток является «предсказуемой, личной, существующей и реальной»⁶⁴. Он напоминает также – бремя доказывания возлагается на заявителя, который должен представить аргументированное изложение дела, т. е. убедительные доводы в подтверждение того, что опасность подвергнуться пыткам является для него предсказуемой, личной, существующей и реальной. Однако в том случае, если заявитель находится в ситуации, когда он не может представить более подробную информацию по своему делу, бремя доказывания возлагается на противоположную сторону и расследовать утверждения и проверять информацию, которые лежат в основе сообщения, надлежит соответствующему государству-участнику⁶⁵. Комитет в значительной степени опирается на выводы по фактической стороне дела, подготовленные органами указанного государства-участника; в то же время он не считает себя связанным такими заключениями и свободно оценивает имеющуюся в его распоряжении информацию согласно пункту 4 статьи 22 Конвенции,

⁶¹ Замечание общего порядка № 4 Комитета, пункт 9.

⁶² См.: *Аль-Хадж Али против Марокко*, пункт 8.3; *Р.А.И. против Марокко*, пункт 7.2; и *Л.М. против Канады* (CAT/C/63/D/488/2012), пункт 11.3.

⁶³ См.: *Калиниченко против Марокко*, пункт 15.3.

⁶⁴ Замечание общего порядка № 4 Комитета, пункт 11.

⁶⁵ Там же, пункт 38.

принимая во внимание все обстоятельства, относящиеся к каждому делу⁶⁶ (пункт 7.4 Решения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: был принят к сведению аргумент заявителя о том, что в случае его выдачи Турции ему будет угрожать серьезная опасность подвергнуться пыткам из-за его предполагаемой принадлежности к движению «Хизмет». В этой связи Комитет отметил – в отношении заявителя проводилось расследование на предмет выяснения его принадлежности к этому движению, а также то, что, согласно сообщениям, фигурирующим в материалах дела, подобные заявителю лица часто становятся жертвами пыток и жестокого обращения во время содержания под стражей (пункт 7.5 Решения).

Комитет должен принять во внимание нынешнюю ситуацию в области прав человека в Турции, включая то, как на нее повлияло чрезвычайное положение (оно было отменено в июле 2018 г., но срок действия предусмотренных им ограничительных мер был продлен путем принятия ряда законодательных мер). Комитет отметил, многократное продление в Турции чрезвычайного положения привело к серьезным нарушениям прав человека сотен тысяч людей, включая произвольное лишение права на труд и свободу передвижения, пытки и жестокое обращение, произвольные задержания и нарушение права на свободу ассоциации и выражения мнений⁶⁷. В этой связи Комитет сослался на свои заключительные замечания по четвертому периодическому докладу Турции (CAT/C/TUR/CO/4), в пункте 9 которых он с обеспокоенностью отметил значительное расхождение между большим количеством жалоб на применение пыток со стороны неправительственных организаций и данными, представленными государством-участником в своем периодическом докладе..., в связи с чем возникло предположение, что в отчетный период не по всем сообщениям о применении пыток были проведены расследования. В пункте 19 этих заключительных замечаний Комитет выразил обеспокоенность по поводу недавнего внесения в Уголовно-процессуальный кодекс поправок, которые предоставили полиции более широкие полномочия для заключения под стражу лиц без соответствующего судебного надзора. В пункте 33 Комитет с сожалением констатировал отсутствие полной информации о случаях суицида и других случаях внезапной смерти, произошедших в местах лишения свободы за отчетный период (пункт 7.6 Решения).

Комитет принял к сведению, что, по словам заявителя, в результате ввода Турцией 20 июля 2016 г. чрезвычайного положения увеличился риск применения пыток к лицам, обвиняемым в принадлежности к террористической группе, во время их содержания под стражей. Комитет

⁶⁶ Там же, пункт 50.

⁶⁷ Управление Верховного комиссара по правам человека, *Report on the impact of the state of emergency on human rights in Turkey, including an update on the South-East: January–December 2017* (Доклад о воздействии чрезвычайного положения на права человека в Турции, включая обновленную информацию по юго-востоку страны: январь–декабрь 2017 года), март 2018 года.

признал – упомянутые заключительные замечания были приняты до даты введения чрезвычайного положения. Вместе с тем Комитет напомнил, что после того, как в июле 2016 г. в Турции была предпринята попытка государственного переворота, он выразил обеспокоенность по поводу сложившейся ситуации в письме о последующих мерах, направленном государству-участнику 31 августа 2016 г., а также то, что опубликованные после ввода чрезвычайного положения доклады о ситуации в области прав человека и предупреждения пыток в Турции свидетельствовали о том, что обеспокоенность, ранее выраженная Комитетом, сохраняет свою актуальность⁶⁸ (пункт 7.7 Решения).

Комитет учел аргументы заявителя о грозящей ему опасности преследования за политическую деятельность в связи с тем, что его относят к числу участников движения «Хизмет», которое считается виновным в совершении в июле 2016 г. попытки государственного переворота. Комитет отметил, что, согласно его докладу за 2018 г., Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека [далее также - УВКПЧ] получило доступ к достоверной информации о применении пыток и жестоком обращении во время досудебного содержания под стражей в рамках мер реагирования турецких властей на попытку государственного переворота, предпринятую в июле 2016 г.⁶⁹ В вышеупомянутом докладе УВКПЧ документально зафиксированы случаи применения различных форм пыток и неправомерного обращения в местах содержания под стражей, включая избиения, угрозы сексуального насилия, применение сексуального насилия и электрошоковых устройств, а также имитацию утопления. Эти акты пыток, как правило, были направлены на получение признательных показаний или принуждение к доносу на других лиц в рамках расследования фактов, связанных с попыткой государственного переворота⁷⁰. В своем докладе о миссии в Турцию Специальный докладчик по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания отметил, что после попытки государственного переворота применение пыток получило широкое распространение⁷¹.

⁶⁸ Управление Верховного комиссара по правам человека, *Report on the impact of the state of emergency on human rights in Turkey, including an update on the South-East: January–December 2017* (Доклад о воздействии чрезвычайного положения на права человека в Турции, включая обновленную информацию по юго-востоку страны: январь–декабрь 2017 г.), март 2018 г.; там же, *Report on the human rights situation in South-East Turkey: July 2015 to December 2016* (Доклад о положении в области прав человека в юго-восточной Турции: июль 2015 г. – декабрь 2016 г.), февраль 2017 г.; и A/HRC/37/50/Add.1.

⁶⁹ Управление Верховного комиссара по правам человека, *Report on the impact of the state of emergency on human rights in Turkey, including an update on the South-East: January–December 2017* (Доклад о воздействии чрезвычайного положения на права человека в Турции, включая обновленную информацию по юго-востоку страны: январь–декабрь 2017 года), март 2018 г., пункт 7.

⁷⁰ Там же, пункт 77.

⁷¹ A/HRC/37/50/Add.1, пункт 26.

Специальный докладчик также сообщил – число расследований и судебных преследований в связи с сообщениями о пытках или жестоком обращении незначительно по сравнению с предполагаемым числом таких нарушений, что свидетельствует о недостаточном стремлении турецких властей расследовать такие сообщения⁷² (пункт 7.8 Решения).

В отношении непосредственного воздействия чрезвычайного положения, введенного 20 июля 2016 г., Комитет принял к сведению обеспокоенность Управления Верховного комиссара по правам человека по поводу негативного воздействия принятых мер на защиту от пыток и жестокого обращения. В частности, УВКПЧ упомянул ограничения, которые могли быть наложены на общение между задержанными и их адвокатами, продление максимального срока содержания под стражей в полиции, закрытие некоторых независимых механизмов по предупреждению пыток и неправомерное использование досудебного содержания под стражей⁷³. После неоднократного продления чрезвычайного положения турецкими властями оно было официально отменено 19 июля 2018 г. В письме от 8 августа 2018 г. турецкие власти проинформировали Совет Европы о том, что чрезвычайное положение завершилось 19 июля 2018 г., когда истек срок, установленный решением № 1182, и в этой связи правительство Турецкой Республики приняло решение отозвать уведомление об отступлении от положений Европейской конвенции по правам человека. Однако был принят ряд законодательных мер, которые продлевали действие ограничительных мер, принятых во время чрезвычайного положения, таких как возможность продления срока содержания под стражей в полиции до 12 суток⁷⁴ (пункт 7.9 Решения).

В отношении дела заявителя Комитет отметил, что при принятии положительного решения о выдаче Кассационный суд [Марокко] не провел никакой оценки риска применения к заявителю пыток в результате такой выдачи с учетом сложившейся в Турции ситуации после попытки государственного переворота, предпринятой в июле 2016 г., в частности, с учетом положения лиц, которые, как и заявитель, реально или предположительно принадлежат к движению «Хизмет». Комитет подчеркнул – власти государства-участника ограничились констатацией факта – просьба турецких властей о выдаче заявителя соответствовала по форме и существу Конвенции о взаимной правовой помощи (заключенной этими двумя странами 15 мая 1989 г. и предшествовавшей ратификации Конвенции [против пыток и других жестоких, бесчеловечных или

⁷² Там же, пункты 70–73.

⁷³ Управление Верховного комиссара по правам человека, *Report on the impact of the state of emergency on human rights in Turkey, including an update on the South-East: January–December 2017* (Доклад о воздействии чрезвычайного положения на права человека в Турции, включая обновленную информацию по юго-востоку страны: январь–декабрь 2017 года), март 2018 г., пункт 83.

⁷⁴ Human Rights Watch, «Turkey: Events of 2018». См.: URL <http://www.hrw.org/world-report/2019/country-chapters/turkey> (дата обращения: 25.04.2020).

унижающих достоинство видов обращения и наказания] государством-участником 21 июня 1993 года) и что ими не была проведена предусмотренная статьей 3 Конвенции оценка риска применения к заявителю пыток в случае его выдачи в Турцию. Комитет напомнил – основной целью Конвенции является предупреждение пыток⁷⁵ (пункт 7.10 Решения).

В свете вышеизложенного и с учетом предполагаемого или фактического членства заявителя в движении «Хизмет» Комитет посчитал – именно государству-участнику надлежало провести индивидуальную оценку личной и реальной опасности, которой заявитель может подвергнуться в Турции, принимая во внимание, в частности, документально подтвержденное обращение турецких властей с лицами, связанными с этим движением, а не полагаясь на то, что просьба о выдаче была направлена на основании соглашения между обеими странами и что вменяемые заявителю преступления являются общеуголовными преступлениями, наказание за которые предусматривается и законодательством Марокко. Комитет также обратил – в статье 721 Уголовно-процессуального кодекса Марокко не содержится конкретного упоминания об опасности применения пыток и жестокого обращения в случае выдачи, а зафиксирована лишь опасность ухудшения личного положения лица, в отношении которого была запрошена выдача по какой-бы то ни было причине, связанной с его расой, религией, гражданством или политическими убеждениями, в случае, если преступление, в связи с которым она запрашивается, квалифицируется государством-участником как политическое преступление или преступление, относящиеся к политическим преступлениям. В данном случае с учетом оценки, проведенной Кассационным судом, уполномоченным выносить решения по вопросу о выдаче, Комитет не смог сделать вывод о том, что этот суд рассмотрел аргументы о наличии в настоящее время для заявителя предсказуемой, реальной и личной опасности подвергнуться пыткам в случае его выдачи Турции⁷⁶ (пункт 7.11 Решения).

Выводы Комитета: выдача заявителя Турции будет представлять собой нарушение государством-участником статьи 3 Конвенции (пункт 8 Решения).

Хани Хатер против Марокко. Решение Комитета против пыток от 22 ноября 2019 г. Сообщения № 782/2016⁷⁷.

Правовые позиции Комитета: Комитет ссылается на свое [3]амечание общего порядка № 4 (2017) о применении статьи 3 Конвенции [против пыток] в контексте статьи 22, согласно которому обязательство по невозвращению возникает каждый раз, когда есть «серьезные основания»

⁷⁵ См.: *Алан против Швейцарии* (CAT/C/16/D/21/1995), пункт 11.5.

⁷⁶ *Эрдоган против Марокко*, пункт 9.11; *Ендер против Марокко* (CAT/C/66/D/845/2017), пункт 7.11; и *Айден против Марокко* (CAT/C/66/D/846/2017), пункт 8.11.

⁷⁷ Заявитель указал, что государство-участник нарушит статью 3 Конвенции в случае, если он будет выдан Египту.

полагать, что то или иное лицо может подвергнуться пыткам в государстве, куда оно должно быть депортировано, либо в личном качестве, либо в качестве члена группы, которой угрожает опасность подвергнуться пыткам в государстве назначения. Обычно Комитет в таких случаях считает: «серьезные основания» имеются каждый раз, когда опасность подвергнуться пыткам является «предсказуемой, личной, существующей и реальной»⁷⁸. К факторам личного риска могут относиться, в частности: а) этническая принадлежность заявителя; б) политические взгляды или политическая деятельность заявителя либо членов его семьи; с) пытки, которым тот подвергался ранее; d) содержание под стражей без связи с внешним миром или другая форма произвольного и незаконного задержания в стране происхождения; е) тайное бегство из страны происхождения из-за угроз применения пыток⁷⁹. Комитет напоминает также о том, что он придает огромное значение выводам органов заинтересованного государства-участника; тем не менее он не считает себя связанным такими выводами и свободно оценивает информацию, представленную ему в соответствии с пунктом 4 статьи 22 Конвенции, принимая во внимание все обстоятельства каждого дела⁸⁰ (пункт 10.4 Решения).

Комитет напоминает о своих решениях, касающихся ряда основных гарантий, которые должны распространяться на всех лиц, лишенных свободы, и призваны не допустить применения пыток и жестокого обращения. К этим гарантиям относится право заключенных на оперативное получение независимой правовой и медицинской помощи и установление связи со своей семьей (пункт 10.10 Решения).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: было принято к сведению утверждение заявителя о том, что в случае высылки в Египет ему будет угрожать там серьезная опасность подвергнуться пыткам или жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению из-за его критики режима в качестве журналиста. В этой связи Комитет отметил, что на арест заявителя выдан ордер, поскольку тот был заочно осужден в Египте по трем различным делам, в том числе 28 августа 2013 года приговорен к пожизненному лишению свободы за участие в подделке подлинного документа в сговоре с государственным должностным лицом. Комитет подчеркнул также, что согласно приобщенным к делу материалам, журналисты часто становятся жертвами произвольных задержаний, пыток, нарушений права на справедливое судебное разбирательство и репрессий, это усугубляется отсутствием закона об уголовной ответственности за применение пыток, предусматриваемой в соответствии с Конвенцией... Комитет принял во внимание довод заявителя о том, что Кассационный суд не применил статью 721 Уголовно-процессуального кодекса и не убедился в политической подоплеке просьбы о выдаче заявителя (пункт 10.5 Решения).

⁷⁸ Замечание общего порядка № 4, пункт 11.

⁷⁹ Там же, пункт 45.

⁸⁰ Там же, пункт 50.

Комитет должен был учесть существующее положение с правами человека в Египте, включая произвольные задержания, применение пыток и насильственные или недобровольные исчезновения (в том числе журналистов, активистов и правозащитников⁸¹), совершаемые в качестве наказания за их деятельность и с целью принуждения их к подписанию инкриминирующих их признательных показаний. Поскольку периодический доклад Египта о выполнении Конвенции давно не рассматривался⁸², Комитет сослался на выводы, сделанные им на шестьдесят второй сессии Генеральной Ассамблеи ООН в соответствии со статьей 20 Конвенции, когда он назвал практику применения пыток в Египте «систематической». Хотя Египет отклонил просьбу Комитета разрешить ему посетить страну в рамках конфиденциального расследования⁸³, Комитет отметил, что «складывается впечатление, что во многих случаях пытки применяются после произвольного ареста и часто их целью является выбивание признательных показаний или наказание и запугивание политических противников. Пытки применяются в полицейских участках, тюрьмах и помещениях государственных служб безопасности и центральных сил безопасности. Их практикуют полицейские, военные, сотрудники службы национальной безопасности и тюремные надзиратели. При этом прокуроры, судьи и должностные лица администрации исправительных учреждений также способствуют применению пыток, ничего не предпринимая для пресечения этой практики, произвольных задержаний и жестокого обращения и не давая хода жалобам на применение пыток или жестокое обращение»⁸⁴. Тем не менее оценка угрозы применения пыток не может быть основана исключительно на учете общего положения, существующего в Египте; должны быть дополнительные основания полагать, что предполагаемой жертве будет лично угрожать опасность (пункт 10.6 Решения).

Комитет отметил следующее: с 2005 г. заявитель являлся членом и одним из основателей независимого, и, следовательно, непризнанного, профсоюза египетских журналистов, который публиковал статьи о коррупции в Египте, где речь шла о государственных должностных лицах. Комитет указал: заявитель в подтверждение того, что его преследуют по политическим мотивам, сослался на следующее: 28 августа 2013 г. он был приговорен к пожизненному лишению свободы за участие в подделке... документа («подлог и использование подлога») в сговоре с государственным должностным лицом, после чего его газеты были конфискованы, а сам он не был задержан; за ним продолжала следить полиция, и он боялся в любой момент подвергнуться аресту и пыткам. Комитет отметил также – приговор к пожизненному лишению свободы за совершение проступка, если таковой

⁸¹ См.: A/HRC/33/51, приложение II. См. также сноски 11–13 выше.

⁸² Последние заключительные замечания по Египту были приняты Комитетом 14 ноября 2002 года (CAT/C/CR/29/4).

⁸³ См.: A/72/44, пункт 61.

⁸⁴ Там же, пункт 69.

был допущен заявителем, совершенно ему несоразмерен и что после просьбы о выдаче, направленной египетскими властями, положение журналистов в Египте ухудшилось. Кроме того, Комитет обратил внимание, что 29 февраля 2016 г. заявитель уже был осужден без права обжалования в Марокко уголовным судом первой инстанции Касабланки на три месяца тюремного заключения за подделку документов частных лиц, за незаконное и неразрешенное занятие профессией, предусмотренной законом, и за проставление печатей и штампов, которые могут быть ошибочно приняты за печати органов иностранного государства, и что в связи с этим осуждением заявитель ссылался на принцип *ne bis in idem* (пункт 10.7 Решения).

Комитет указал, что предоставляя разрешение на его выдачу, Кассационный суд не дал никакой оценки опасности применения пыток, угрожающей ему как независимому журналисту, учитывая сложившееся в Египте положение. Тем не менее не было никак объяснено, каким образом государство-участник оценивало угрозу применения пыток к заявителю, с тем чтобы убедиться в том, что после возвращения в Египет он не подвергнется обращению, противоречащему статье 3 Конвенции. Комитет напомнил, что главная цель Конвенции состоит в том, чтобы предотвращать пытки⁸⁵ (пункт 10.8 Решения).

В свете вышеизложенного у Комитета сложилось мнение, что именно государство-участник должно было дать конкретную оценку личной и реальной угрозе, которой заявитель будет подвергаться в Египте (учитывая, в частности, тот факт, что заявитель был приговорен к пожизненному заключению за мелкое правонарушение). Комитет посчитал также, что в статье 721 марокканского Уголовно-процессуального кодекса конкретно упоминается не об угрозе применения пыток и жестокого обращения в случае выдачи, а только об угрозе ухудшения личного положения лица, о котором идет речь в просьбе о выдаче, по той или иной причине, связанной либо с его расовой принадлежностью, вероисповеданием, гражданством или политическими взглядами, в случае, когда нарушение закона, за совершение которого его просят выдать, квалифицируется государством-участником как политическое преступление или преступление, связанное с политическим преступлением. Комитет пришел к выводу – в данном случае оценки Кассационного суда не позволили оспаривать доводы о том, что заявителю угрожает фактическая, предсказуемая, реальная и личная опасность подвергнуться пыткам в случае выдачи Египту, это, соответственно, явилось бы нарушением статьи 3 Конвенции (пункт 10.9 Решения).

Что касается утверждения заявителя о том, что условия содержания под стражей оказали на него физическое воздействие в нарушение требований статьи 16, то Комитет отметил отсутствие разъяснений со стороны государства-участника, позволяющих опровергнуть утверждения заявителя о том, как после его перевода в тюрьму Тифлет-2 [Марокко] он был помещен в блок строгого режима, в одиночную камеру, без медицинской

⁸⁵ См.: *Алан против Швейцарии* (CAT/C/16/D/21/1995), пункт 11.5.

помощи, что отразилось на его здоровье, он был лишен любых контактов со своей семьей и адвокатом.... Исходя из обстоятельств данного дела, Комитет посчитал, что помещение заявителя в одиночную камеру, ограничение его контактов с семьей и адвокатом и лишение его регулярного доступа к медицинской помощи представляли собой нарушение статьи 16 Конвенции (пункт 10.10 Решения).

Выводы Комитета: выдача заявителя Египту станет нарушением статьи 3 Конвенции и что условия содержания заявителя свидетельствуют о нарушении государством-участником статьи 16 Конвенции (пункт 11 Решения).

право на справедливое судебное разбирательство (право на пересмотр приговора вышестоящей судебной инстанцией)

практика Комитета ООН по правам человека

Карим Мейс Вад против Сенегала. Соображения Комитета по правам человека от 23 октября 2018 г. Сообщение № 2783/2016⁸⁶.

Правовые позиции Комитета: каждое государство-участник должно организовать свою судебную систему так, как считает нужным, и [Комитет] не придает значения конкретной форме и выбранной системе⁸⁷, если законодательство государства-участника предусматривает процедуры пересмотра вышестоящей судебной инстанцией обвинительного приговора и меры наказания любого лица, осужденного за совершение преступления. Вместе с тем Комитет напоминает, что, хотя [Международный пакт о гражданских и политических правах] не требует повторного судебного рассмотрения фактов по данному делу⁸⁸, требуется процедура, позволяющая эффективно и по существу пересмотреть вынесенный обвинительный приговор и оценить доказательства и факты, а не ограничиваться рассмотрением лишь правовых аспектов⁸⁹ (пункт 12.2 Соображений).

Комитет признает важность законной цели борьбы с коррупцией для государств, однако подчеркивает также, что она должна вестись с соблюдением правил процедуры и права на справедливое судебное разбирательство (пункт 12.5 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет отметил, что Суд по борьбе с незаконным обогащением, который признал автора виновным и вынес ему обвинительный приговор, принимает решения

⁸⁶ Автор утверждал, что был нарушен пункт 5 статьи 14 Пакта, поскольку процессуальное право, касающееся Суда по борьбе с незаконным обогащением, не допускало пересмотра обвинительного приговора и меры наказания вышестоящей судебной инстанцией.

⁸⁷ См.: *Х.К. против Норвегии* (CCPR/C/112/D/2004/2010), пункт 9.3; *Рейд против Ямайки*, пункт 14.3.

⁸⁸ См.: *Роландо против Филиппин* (CCPR/C/82/D/1110/2002), пункт 4.5; *Х.К. против Норвегии*, пункт 9.3.

⁸⁹ См.: *Гомес Васкес против Испании*, пункт 11.1.

в открытом заседании и на основе состязательной процедуры в первой и последней инстанции и его решения в соответствии со статьей 17 закона № 81-54 могут быть обжалованы в кассационном порядке осужденным лицом или прокуратурой на условиях, предусмотренных постановлением № 60-17 от 3 сентября 1960 г., касающимся органического закона о Верховном суде. Комитет также подчеркнул, что решения Комиссии по расследованию при Суде по борьбе с незаконным обогащением не подлежат обжалованию согласно статье 13 того же закона. Он принял к сведению статью 2 органического закона № 2008-35, в которой предусматривается следующее – Верховный суд не рассматривает дела по существу, если иное не предусмотрено законом. Он также принял к сведению реформу Уголовно-процессуального кодекса от 23 сентября 2008 г. на основании закона № 2008-50, который ввел право обжалования по уголовным делам в дополнение к кассационной жалобе, и отметил, что эта реформа не распространяется на решения Суда по борьбе с незаконным обогащением (пункт 12.3 Соображений).

Из постановления от 20 августа 2015 г. усматривалось, что Верховный суд не проводил оценку доказательств и фактов, использованных Судом по борьбе с незаконным обогащением. В свете вышеизложенного Комитет не смог согласиться с аргументом государства-участника о том, что кассационная жалоба в Верховный суд представляет собой пересмотр вышестоящей судебной инстанцией в соответствии с пунктом 5 статьи 14 Пакта, и сослался на свое [3]амечание общего порядка № 32, согласно которому пересмотр, касающийся только формальных или правовых аспектов обвинительного приговора без учета [фактических обстоятельств дела], не является достаточным согласно Пакту (пункт 12.4 Соображений).

Выводы Комитета: факты свидетельствуют о нарушении государством-участником пункта 5 статьи 14 Пакта (пункт 13 Соображений).

право на свободное выражение своего мнения

практика Комитета ООН по правам человека

Эгле Кусайте против Литвы. Соображения Комитета по правам человека от 24 июля 2019 г. Сообщение № 2716/2016⁹⁰.

Правовые позиции Комитета: пункт 3 статьи 19 [Международного пакта о гражданских и политических правах] допускает определенные ограничения только в тех случаях, когда это предусмотрено законом и необходимо для уважения прав и репутации других лиц или для охраны государственной безопасности или общественного порядка (*ordre public*), здоровья или нравственности населения. Комитет ссылается на свое

⁹⁰ Автор утверждала, что вынесенный ей уголовный приговор за критические заявления в адрес прокуроров, осуществлявших уголовное преследование, явился нарушением ее права на свободу выражения мнений в соответствии с пунктом 2 статьи 19 Пакта.

[З]амечание общего порядка № 34, в котором он заявил, что эти свободы являются необходимыми условиями для всестороннего развития личности и имеют важнейшее значение для любого общества. Они являются основополагающими элементами любого свободного и демократического общества. Любое ограничение в отношении осуществления этих свобод должно соответствовать строгим критериям необходимости и соразмерности. Ограничения должны применяться только для тех целей, для которых они были предписаны, и должны быть непосредственно связаны с конкретной потребностью, для удовлетворения которой они были предназначены. Комитет напоминает – именно государство-участник должно продемонстрировать, что ограничения прав автора по статье 19 являются необходимыми и соразмерными⁹¹ (пункт 8.3 Соображений).

Комитет отмечает, что в интересах надлежащего отправления правосудия ранее было признано следующее – ограничения права на свободу выражения мнений преследуют законные цели, в ряде случаев, когда оспаривались приговоры по уголовным делам, касавшимся неуважения к суду⁹². Комитет ссылается на свое [З]амечание общего порядка № 34, в пункте 47 которого Комитет заявляет следующее: «Необходимо тщательно подходить к разработке законов, касающихся клеветы, обеспечивать их соответствие положениям пункта 3 [статьи 19], а также не допускать, чтобы они на практике использовались для ограничения права на свободное выражение мнений. Во все такие законы, в частности уголовные законы, касающиеся клеветы, следует включить такие формы защиты, которые отвечают интересам правдивости, и они не должны применяться по отношению к таким формам выражения мнений, которые по своей природе не могут быть проверены. По крайней мере, в отношении комментариев, затрагивающих интересы общественных деятелей, следует стремиться не допускать установления наказаний за высказывания, которые стали достоянием общественности по ошибке и без злого умысла, или их перевода в разряд незаконных. В любом случае наличие общественного интереса к объекту критики следует рассматривать в качестве элемента защиты. Государствам-участникам следует принимать меры во избежание чрезмерных мер наказания и штрафов». В то же время Комитет признает, что прокуроры не приравниваются к общественным деятелям и, как и сотрудники судебных органов, нуждаются в определенной степени доверия со стороны общественности для эффективного выполнения своих функций (пункт 8.7 Соображений).

Комитет ссылается на свою правовую практику, согласно которой следует придавать весомое значение проведенной государством-участником оценки и считается, что, как правило, именно органы государств – участников Пакта должны пересматривать и оценивать факты и

⁹¹ См., например: *Судаленко и Поплавный против Беларуси* (CCPR/C/122/D/2190/2012), пункт 8.3.

⁹² См., например: *Фернандо против Шри-Ланки* (CCPR/C/83/D/1189/2003).

доказательства для определения наличия такой опасности, если только не будет установлено, что такая оценка носила явно произвольный характер или была равносильна очевидной ошибке или отказу в правосудии⁹³ (пункт 8.5 Соображений).

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: осуждение автора представляло собой вмешательство в ее право на свободу выражения мнений, и поэтому [Комитет] должен рассмотреть вопрос о том, является ли ограничение прав автора в данном случае оправданным в соответствии с любым из критериев, изложенных в пункте 3 статьи 19 [Международного пакта о гражданских и политических правах] (пункт 8.2 Соображений).

Касаясь вопроса о том, было ли вмешательство предусмотрено законом, Комитет отметил – стороны разошлись во мнениях относительно толкования внутреннего законодательства, в частности, относительно того, распространяется ли статья 290 Уголовного кодекса на прокуроров, как государственных служащих, подлежащих защите от оскорблений. В этой связи Комитет принял к сведению доводы государства-участника о том, что вмешательство имело место согласно статье 290 Уголовного кодекса, действовавшей на тот момент, и оно было истолковано в соответствии с Комментарием к Уголовному кодексу Литвы⁹⁴. Комитет также принял к сведению аргумент государства-участника о том, что Верховный суд Литвы тщательно рассмотрел этот вопрос и установил следующее: толкование автором закона оставит прокуроров без защиты, и что это будет противоречить практике национальных судов и Европейского Суда по правам человека⁹⁵, а также намерениям законодательной власти (пункт 8.4 Соображений).

[Н]ельзя утверждать, что оценка Верховного суда была произвольной или равносильной отказу в правосудии, поскольку рассматриваемое вмешательство имело правовую основу и применение указанной правовой нормы к делу заявителя не выходило за рамки того, что можно было разумно предвидеть в данных обстоятельствах. В этой связи Комитет посчитал, что вмешательство было предусмотрено законом по смыслу пункта 3 статьи 19 Пакта. Что касается аргументов автора, касающихся уголовного характера закона о диффамации и того, что предоставление государственным должностным лицам большей защиты от диффамации по сравнению с другими лицами следует считать дискриминационным, то, по существу, они связаны с вопросом о том, было ли вмешательство в связи с применением соответствующего закона в данном деле необходимым и соразмерным (пункт 8.5 Соображений).

⁹³ См.: *Ц. Х. против Австралии* (CCPR/C/107/D/1957/2010), пункт 9.3.

⁹⁴ Согласно Комментарию, это положение распространяется на всех лиц, выполняющих государственные функции, за исключением только определенных групп лиц, которые пользуются защитой в соответствии с отдельными статьями Уголовного кодекса.

⁹⁵ Европейский Суд по правам человека, *Лесник против Словакии*.

Что касается вопроса о том, преследовало ли рассматриваемое вмешательство законную цель, то Комитет принял во внимание аргумент государства-участника о том, что статья 290 Уголовного кодекса Литвы направлена на обеспечение защиты прокуроров при выполнении ими своих конкретных функций, а это способствует поддержанию общественного доверия к отправлению правосудия в целом. В свете этих соображений Комитет убежден в том, что статья 290 может быть оправдана как содействующая достижению законной цели охраны общественного порядка (пункт 8.7 Соображений).

Оценивая необходимость и соразмерность вмешательства в данном деле, Комитет тщательно рассмотрел аргументы, выдвинутые обеими сторонами⁹⁶. Комитет принял во внимание доводы Верховного суда о том, что автор была осуждена не за критику прокуроров как таковую, а за оскорбительные высказывания в их адрес. Вместе с тем Комитет отметил – некоторые части заявления автора были даже исключены из оценки национальных судов потому, что они были расплывчатыми или неоскорбительными, – был приведен лишь сокращенный вариант того, что

⁹⁶ «Что касается соразмерности этой меры, то Комитет принимает к сведению факт – автор оспаривает уголовный характер закона о диффамации на том основании, что, предоставляя более высокую защиту от диффамации государственным должностным лицам по сравнению с другими лицами, он является дискриминационным. Комитет также отмечает ее утверждение о том, что пределы допустимой критики должны быть шире, когда то или иное заявление касается действий лица в его/ее публичном качестве, и что право на свободу выражения мнений также обеспечивает защиту в связи с замечаниями, которые в определенной степени преувеличены или провокационны. Комитет также принимает к сведению заявление автора о том, что в момент произнесения ею критических слов она находилась в состоянии сильного стресса. Комитет принимает к сведению предполагаемый ущерб, нанесенный автору сообщения негативными последствиями ее уголовного наказания» (пункт 8.8 Соображений).

«Комитет отмечает аргументы государства-участника о том, что национальные суды тщательно проанализировали обстоятельства этого дела и пришли к выводу – необходимость охраны общественного порядка, а именно защиты деятельности прокуроров, способствующей надлежащему отправлению правосудия, а также необходимость защиты их прав и репутации оказываются более весомыми соображениями по сравнению с интересами автора в данном деле. Комитет далее отмечает аргумент государства-участника о том, что в ходе оценки национальные власти приняли во внимание, что заявления автора сообщения транслировались по телевидению и могли быть услышаны неограниченным числом людей, в результате чего был усугублен вред, причиненный правам и ценностям, защищаемым целью оспариваемого законодательства. Власти также должным образом сочли, что автор не смогла доказать правдивость своих заявлений. Комитет далее принимает к сведению аргумент государства-участника о том, что, как следует из решения Верховного суда, автор была осуждена не за критику прокуроров как таковую, а за оскорбительные высказывания. И наконец, Комитет принимает к сведению довод государства-участника о том, что, несмотря на то, что заявление автора повлекло за собой уголовную ответственность согласно действовавшему в то время соответствующему законодательству Литвы, наказание по своему характеру не было уголовным, назначенный штраф был приблизительно равен минимальной сумме, а судимость будет снята через три года» (пункт 8.9 Соображений).

сказала автор, и что не было сообщено никакого контекста, в результате чего все заявление было двусмысленным. Кроме того, Комитет не убедился в том, что должное внимание было уделено тому обстоятельству, что заявления были сделаны в контексте уголовного судопроизводства, в ходе которого рассматривались серьезные уголовные обвинения против автора, и они явились спонтанной реакцией на то, что автор должна была быть помещена под стражу до суда. Это дело привлекло широкое общественное внимание и, возможно, имело политические аспекты, и поэтому порог для критики, способствующей общественным дебатам, можно обоснованно считать более высоким. Комитет также отметил, что, хотя автор сообщения была приговорена лишь к уплате штрафа и что ее судимость будет снята, она, тем не менее, была подвергнута уголовному преследованию за заявления, сделанные в связи с ее собственным уголовным делом. Кроме того, наложение штрафа могло стать для автора чрезмерным бременем, учитывая ее молод[ой возраст] и отсутствие у нее работы в то время. При проведении своей оценки Комитет сослался на свое [З]амечание общего порядка № 34, в пункте 47 которого он указал следующее: «Государствам-участникам следует рассмотреть возможность исключения клеветы из разряда преступлений, но в любом случае уголовное законодательство должно применяться лишь в связи с наиболее серьезными случаями, а лишение свободы ни при каких условиях не должно считаться адекватной мерой наказания». В этой связи Комитет отметил, что статья 290 Уголовного кодекса Литвы была с 1 января 2017 г. отменена и что статья 507 нового Кодекса об административных правонарушениях, применяемая к делам, аналогичным делу автора, предусматривала лишь административные санкции вместо уголовной ответственности. В свете этих соображений Комитет посчитал, что данное конкретное дело не может рассматриваться в качестве одного из «наиболее серьезных случаев», и пришел к выводу – ограничения прав автора были несоразмерными и поэтому не были оправданными согласно условиям, изложенным в пункте 3 статьи 19 Пакта (пункт 8.10 Соображений).

Выводы Комитета: факты свидетельствуют о нарушении государством-участником пункта 2 статьи 19 Пакта (пункт 10 Соображений).

Тексты приведенных документов, принятых договорными органами ООН, размещены по адресу:

URL: <http://www.ohchr.org/EN/HRBodies/Pages/TreatyBodies.aspx>

Неофициальный перевод текстов постановлений Европейского Суда по правам человека получен из Аппарата Уполномоченного Российской Федерации при Европейском Суда по правам – заместителя Министра юстиции Российской Федерации.

В текстах в основном сохранены стиль, пунктуация и орфография авторов перевода.